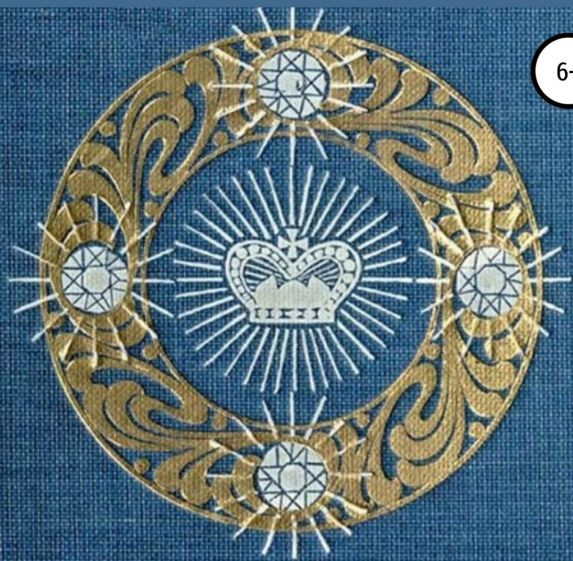

Джеральдин Боннер

6+

Дело о Каслкортских бриллиантах

детектив

Джеральдин Боннер Дело о Каслкортских бриллиантах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65063717

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-96946-9

Аннотация

Дело о пропаже бриллиантов лорда Каслорта глазами непосредственных участников события.

Содержание

Заявление Софи Джефферс, горничной маркизы Каслкорт	4
Заявление Лилли Бингем, известной в Англии как Лора Брайс, в Соединенных Штатах как Френчес Латимер, в полиции обеих стран как Леди Лора (недавно работала горничной в Отеле Барридж, Лондон, под псевдонимом Сара Дуайт)	23
Заявление Кассиуса П. Кеннеди, бывшего жителя Некрополь-Сити, штат Огайо, ныне управляющего Лондонским филиалом колониальной компании "Ящик, ванна и снасти". Компания (Ltd.) из Чикаго и Сент-Луис	47
Показания Джона Бернса Гилси, частного детектива, специально занимавшегося делом об алмазах Каслкрорта	62
Заявление Дейзи К. Фэйрвезер Кеннеди, бывшей жительницы Некрополя, штат Огайо, в настоящее время проживающей на Харли-стрит 15, Найтсбридж, Лондон	75
Заявление Глэдис, маркизы Каслкорт	91

Джеральдин Боннер Дело о Каслкортских бриллиантах

Заявление Софи Джефферс, горничной маркизы Каслкорт

Я была на службе у леди Каслкорт два года, когда бриллианты Каслкорт были украдены. Я не собираюсь давать отчет о том, как меня заподозрили и оправдали. Это не та часть истории, которую я здесь изложу. Я должна рассказать об исчезновении бриллиантов, и я готова сделать это в меру своих возможностей.

Мы были в Лондоне, в отеле Барридж, в течение сезона. Городской дом лорда Каслкорта на Гросвенор-Гейт был сдан в аренду каким-то богатым американцем, и вот уже два года мы останавливались в Барридж. Было третье апреля, когда мы приехали в город: милорд, миледи, Шолмерс (человек милорда) и я. Детей отправили к тетке милорда, леди Мэри Крэнбери, которая не замужем и живет в замке Крэнбери, недалеко от Вустера.

Лорд Каслкорт вообще не любил бывать в отеле. Шолмерс

рассказывал мне, как он иногда говорил об этом. Шолмерс служит у милорда десять лет и родился в поместье Касл-корт-Марш-мэнор. Но милорд обычно делал то, что хотела миледи, и она вовсе не была расположена к деревне. Она говорила мне, у нее всегда было много шуток:

– Да, это отличное место, деревня, отличное место, из которого следует уехать, Джефферс. И чем дальше вы уезжаете, тем лучше она кажется.

Миледи родилась в Ирландии и жила там, пока не стала взрослой женщиной. Не мне судить о том, кто лучше меня, но я слышала, что у нее не было приличного платья, пока старая леди Банди не взяла ее и не привезла в Лондон. Ее отец был священником, преподобный Маккаррен Даффи из графства Клэр, и говорят, что у него не было ни пенни из своего состояния, и что миледи носила хлопковые платья и дырявые чулки, пока леди Банди не увидела ее. Я слышала, что леди Банди говорила о ней, что она будет самой красивой женщиной в Лондоне со времен Расстрелов (кем бы они ни были), и просто привезла ее в город и одела с ног до головы. Через месяц о ней заговорили, и еще до окончания сезона она была помолвлена с маркизом Каслкортом, который был для нее отличной партией.

Но она была той нищенкой верхом на лошади, о которой говорят люди. Лорд Каслкорт не был тем, кого можно было бы назвать миллионером, но он давал ей в месяц больше, чем она получала за пять лет, и она тратила все это и хотела

еще. Казалось, она не знала цены деньгам. Если она видела красивую вещь в магазине, она покупала ее, и если у нее не было денег, ей давали кредит, потому что перед маркизой Каслкорт, все продавцы стояли на коленях, они так стремились получить ее покровительство. Потом, когда приходили счета, она очень удивлялась, как ей удалось потратить так много, и прятала их от лорда Каслкрорта. Потом она забывала о них, даже о том, куда положила.

Лорд Каслкорт так любил ее, что простил бы ей все, что угодно. Они были женаты пять лет, когда я поступила на службу к миледи, и он был так сильно влюблен в нее, как будто был женат всего месяц. И я его не виню. Она была самой красивой леди и самой соблазнительной, какую я когда-либо видела. Она вполне могла быть ирландкой: она любила поболтать, и деньги готовы были упасть с кончиков ее пальцев на любую протянутую ладонь. Не было такой грустной истории, которая не вызвала бы слезы на ее глазах и не открыла бы кошелек в ее руке. Она была щедра и мягкосердечна ко всем существам, которые приходили. Никто не мог долго сердиться на нее. Я видела, как лорд Каслкорт начинал ругать ее, а кончал тем, что смеялся над ней и целовал ее. Она уважала и любила его. Она делала и то, и другое, и вместе с тем боялась его. Никто лучше миледи не знал, когда пора перестать шутить с милордом и быть серьезной.

Лорд Каслкорт имел обыкновение ездить в Париж два или три раза в год. У него там была замужняя сестра, которую

он очень любил, и они с ее мужем отправлялись охотиться на кабанов в место, название которого я не помню. Миледи всегда была рада поехать в Париж. Она говорила, что ей это нравится, и театры, и магазины, но что она находила в этом, я никогда не понимала. Грязный, ужасный город, полный мужчин, готовых пялиться на честную христианскую женщину, как будто она была тем, на что похожа половина женщин, которые скачут по улицам. Миледи проводила много времени у портних, и мы с ней вечно поднимались на верхние этажи в маленьких глупых лифтах, которые поднимались сами по себе. Я бы скорее пошла пешком, чем доверилась таким небезопасным французским ухищрениям, коварным, опасным вещам, которые могут взорваться в любой момент, как я говорю.

За год до того времени, о котором я пишу, мы поехали в Париж, как обычно, в марте. Мы остановились в Бристоле и пробыли там месяц. Миледи часто выходила из дома, а в промежутках, как обычно, бывала в тех местах, что там называют “кутюрьерами”, у ювелиров или в магазинах на Рю де ла Пэ. Она также купила у меховщика Болконского очень шикарную куртку из русского соболя, которая, я уверена, обошлась в кругленькую сумму. Когда мы вернулись в Лондон на сезон, о ее красоте и костюмах говорил весь город. Горничная старой леди Банди рассказала мне, что леди Банди ходила и говорила, – и если бы не я, она была бы матерью рыжеволосых ларрикинов ирландской сквайрин! – Что не по-

казалось мне подходящим разговором для леди.

Мы провели то лето в поместье Каслкорт-Марш очень тихо, как того и хотел милорд. Миледи, казалось, была не в таком хорошем настроении, как обычно, что я приписала деревенской жизни, которая, как она всегда говорила, ей наскучила. Один или два раза она сказала мне, что чувствует себя плохо, чего я никогда не слышал от нее раньше, и однажды в конце лета я застала ее в слезах. Она, казалось, не приходила в себя, пока мы не поехали в Париж в сентябре. Затем она оживилась и вскоре была в более приподнятом настроении, чем когда-либо. Она постоянно была в разъездах, часто уходила обедать и не возвращалась, пока не наступало время одеваться к ужину. Она сказала мне, что ей очень понравилось в Париже. И я думаю, что так и было, потому что я никогда не видела ее более оживленной, почти взволнованной приподнятым настроением и большим успехом.

Следующей весной мы покинули Каслкорт-Марш-мэнор и, как я уже говорила, третьего апреля приехали в Барридж. Сезон был в самом разгаре, и миледи выходила в свет утром, днем и ночью. Этому не было конца, и я была измотана. Когда она уходила днем, я дремала на диване и просила Сару Дуайт, горничную в наших комнатах, принести мне чашку чая, хотя иногда она сама выпивала чашку, и мы немного сплетничали за этим занятием.

Если бы я знала, какой важной персоной станет Сара Дуайт, я бы обратила на нее больше внимания. Но, к сожалению,

нию, у воров нет метки на лбу, и Сара была последней девушкой, которую кто-либо заподозрил бы в нечестности. Все, что я когда-либо думала о ней, это то, что она была аккуратной, вежливой девушкой, которая уважала старших и своих хозяев, когда видела их. Она была быстра на ноги, скромна и хорошо воспитана, не то, что вы назвали бы красивой: слишком бледная и маленькая на мой вкус, и Шолмерс вполне согласился со мной. Единственное, что я заметила в ней, были ее руки, белые и изящные, как у леди. Однажды, когда я спросила ее, как она так хорошо их держит, она рассмеялась и сказала, что, не имея красивого лица, она пыталась иметь красивые руки.

– Потому что в девушке должно быть что-то красивое, не так ли, мисс Джефферс? – Сказала она мне так тихо и почтительно, как только могла.

Я ответила, так как считала нужным, что красота – это только кожа, и если ваш характер честен, ваше лицо позаботится о себе само.

Она посмотрела на свои руки, слегка улыбнулась и сказала:

– Да, полагаю, это правда, мисс Джефферс. Я постараюсь это запомнить. Я уверена, что это то, что должна чувствовать каждая девушка.

Сара Дуайт восхищалась леди Каслкотт. Она умудрялась стоять в дверях и на лестнице, когда миледи спускалась вниз, чтобы пойти на ужин и в оперу. Потом она возвращалась и

рассказывала мне, как прекрасна моя госпожа и как она завидует, что я ее служанка. Пока она говорила, она помогала мне прибираться в комнате, и иногда, потому что она так восхищалась моей леди, я позволяла ей смотреть на новую одежду из Парижа, когда она висела в шкафу. Сара раскрывала рот от восхищения, глядя на платья. Она немного говорила о драгоценностях миледи, но не много, иначе я бы начала подозревать.

На пятой неделе после того, как мы приехали в город, а точнее, в полдень четвертого мая, бриллианты были украдены. Поскольку меня так изводили, допрашивали и мучили по этому поводу, у меня в голове все так же ясно, как на фотографии, как это было и в какое время все произошло.

В тот вечер миледи собиралась на ужин к герцогу Даксбери. Это должен был быть великолепный обед – принц и премьер-министр, и я не знаю, кто еще кроме них. Миледи должна была надеть новое платье из Парижа и бриллианты. Она сказала мне, когда уходила, что ей нужно и когда вернется. Это было в четыре, и я не должна была ожидать ее раньше шести.

Незадолго до этого я собрала ее вещи, разложила платье и положила бриллианты на туалетный столик. Они хранились в собственном кожаном футляре, а затем помещались в ящик, который закрывался на патентованный замок. Когда мы путешествовали, я всегда носила с собой эту шкапу, то есть, когда ею пользовалась моя госпожа. Большую

часть времени она проводила у банкиров. Лорд Каслкорт был очень разборчив в бриллиантах. Некоторые из них принадлежали его семье на протяжении многих поколений. То, как они были оправлены сейчас – в ожерелье с подвесками, большие камни окружены меньшими, – было новой оправой, сделанной для его матери. Миледи хотела, чтобы они изменились, и я помню, что лорд Каслкорт был зол на нее, и она не могла приласкать и уговорить его вернуться в хорошее настроение в течение нескольких дней.

Одной из последних вещей, которые я сделала в тот день, приводя в порядок туалетный столик, было то, что я открыла ящик и достала кожаный футляр. Хотя был май, и вечера были очень длинными, я включила электрический свет и, расстегнув футляр, посмотрела на ожерелье.

Я стояла в этой позе, когда Шолмерс подошел к боковой двери комнаты (весь номер был соединен дверями) и спросил меня, не могу ли я вспомнить номер сапожника, у которого миледи купила сапоги для верховой езды. Какой-то друг Шолмерса хотел узнать адрес. Сначала я не могла вспомнить, и я стояла вот так, пытаюсь вспомнить, когда услышала, как часы пробили шесть. Я сказала Шолмерсу, что достану номер для него. Я была уверена, что номер в столе миледи, и я положила футляр на бюро, а мы с Шолмерсом вместе пошли в гостиную (дверь между нами и комнатой миледи была открыта) и стали искать номер. Мы нашли его через минуту, и Шолмерс записывал его в свою записную

книжку, когда мне показалось, что я услышала (такой легкий и мягкий шум, что вряд ли можно было сказать, что вы что-то слышали) шорох, похожий на шорох женской юбки в соседней комнате. На секунду мне показалось, что это миледи, и я подпрыгнула, потому что мне нечего было делать за ее столом, и я знала, что она рассердится и отругает меня.

Шолмерс ничего не слышал и удивленно посмотрел на меня. Затем я подбежала к двери и заглянула внутрь. Там никого не было, и я, конечно, подумала, что ошиблась.

Мы не сразу вышли из комнаты, а немного постояли у стола, разговаривая. Когда я рассказала об этом детективам, одна из газет написала, что это показывает, “насколько неблагонадежны даже лучшие слуги”. Как будто камердинер и горничная не могут остановиться на минутку, чтобы поговорить! Бедняжки! Я уверена, что большую часть времени мы работаем достаточно усердно. И то, что мы недолго стояли там без дела, видно из того факта, что я слышала, как пробило половину седьмого. Я была за то, чтобы уговорить Шолмерса уйти, так как леди Каслкорт могла появиться в любой момент, но он задержался, последовал за мной в комнату миледи, помог мне задернуть шторы и включить свет, потому что миледи не может одеваться при дневном свете.

Было почти семь часов, когда мы услышали шорох ее юбок в коридоре. Шолмерс проскользнул в комнаты своего хозяина, тихо прикрыв за собой дверь. Миледи выглядела очень красивой. На ней была синяя шляпка, отделанная го-

лубыми и серыми гортензиями, и под ней ее волосы были похожи на золотые нити, а глаза казались мягкими и темными. Казалось, ей никогда не надоедало постоянно быть в пути. Но в последнее время мне казалось, что она слишком много ездит, потому что иногда она была бледной, и раз или два мне показалось, что она не в духе, как прошлым летом в деревне.

Она казалась такой сегодня вечером, не говорила так много, как обычно. На углу туалетного столика лежало несколько писем для нее, и я видела в зеркале ее лицо, когда она их читала. Одно заставило ее улыбнуться, а потом она задумалась и прикусила губу, которая была красной, как вишня. Мне показалось, что она чем-то занята. Когда я укладывала боковые волосы, а все знают, что это самая сложная операция, она дернула головой и вдруг сказала, что ей интересно, как там дети. Я никогда раньше не видела, чтобы моя госпожа думала о детях, когда за ее волосами ухаживали.

Она сидела перед туалетным столиком, завершив свой туалет, когда протянула руку к кожаному футляру с бриллиантами. Я смотрела на свое отражение в зеркале, думая, что она была настолько совершенна, насколько я могла ее сделать. Она тоже смотрела на свой затылок и все еще держала в руке маленький бокал. Другой рукой она потянулась за бриллиантами. В футляре была защелка, которую нужно было нажать, и я, к своему удивлению, увидела, что она подняла крышку, не нажимая на нее. Затем она громко восклик-

нула. Там не было никаких бриллиантов!

Она обернулась, посмотрела на меня и сказала:

– Как странно! Где они, Джефферс?

Мне вдруг показалось, что я вот-вот упаду замертво, а потом, когда миледи встала рядом со мной и сказала, что подозревать меня глупо, одной из вещей, которую она привела в доказательство моей невиновности, был цвет моего лица (я покраснела) и то, как я выглядела в тот момент.

– Джефферс! – Воскликнула она, внезапно вскочив со стула. А потом, не сказав ни слова, она побледнела и уставилась на меня.

– Миледи, миледи, – только и смогла выдавить я, – я не знаю ... я не знаю!

– Где они, Джефферс? Что с ними случилось?

Мой голос был хриплым, как у человека с простудой, когда я заикалась:

– Они были здесь час назад.

Миледи схватила меня за руку, и ее пальцы крепко вцепились в мою плоть.

– Не говори, что они украдены, Джефферс! – Закричала она. – Не говори мне этого! Лорд Каслкорт никогда меня не простит. Он никогда меня не простит! Они стоят тысячи и тысячи фунтов! Их не могли украсть!

Она говорила так громко, что ее услышали в соседней комнате, и вошел лорд Каслкорт. Это был высокий джентльмен, немного лысый, и теперь я вижу его в черной одежде, с

блестящей белой грудью рубашки, стоящим в дверях и смотрящим на нее. На его лице застыло удивленное выражение, и он слегка нахмурился, потому что терпеть не мог громких разговоров или сцен.

– В чем дело, Глэдис? – Сказал он. – Ты так шумишь, что я слышал тебя в своей комнате. Там что, пожар?

Она как бы ухватилась за футляр и попыталась его спрятать. Шолмерс стоял в дверном проеме позади моего лорда, и я видела, что он смотрит на нее и старается не смотреть. Потом он сказал мне, что она была белой, как бумага.

– Бриллианты, – запинаясь, произнесла она, – ваши бриллианты ... вашей семьи ... вашей матери.

Лорд Каслкорт вздрогнул и, казалось, напрягся. Он не сдвинулся с места, но стоял неподвижно, глядя на нее.

– Что с ними такое? – Спросил он быстро и тихо, но не так, как будто был спокоен.

Она бросила футляр, который пыталась спрятать, на туалетный столик. Он опрокинул несколько бутылок и лежал там открытый и пустой. Милорд подскочил к нему, схватил и потряс.

– Пусто? – Сказал он, поворачиваясь к миледи. – Ты хочешь сказать, украли?

– Да—да—да, – повторила она вот так три раза, а потом откинулась на спинку стула и закрыла лицо руками.

Лорд Каслкорт повернулся ко мне.

– Что это значит, Джефферс? Вы отвечали за алмазы.

Я рассказала ему все, что знала, и так хорошо, как только могла, при дрожащих ногах, которые едва могли меня держать. Мой язык был сух как кусок кожи. Когда я дошла до конца, миледи прервала меня, закричав:

– Герберт, это не моя вина, не моя! Джефферс скажет тебе, что я хорошо о них заботилась. Я не была небрежна или забывчива по отношению к ним, как по отношению к другим вещам. Я была осторожна с ними! Это не моя вина, и ты не должен винить меня!

Лорд Каслкотт сделал ей что-то вроде жеста, чтобы она замолчала. Я видела, что это означает. Он взял футляр и, подойдя к двери, запер ее.

– Как долго вы находитесь в этих комнатах? – Сказал он, поворачиваясь ко мне с ключом в руке.

Я сказала ему, дрожа и чуть не плача. Я никогда не видела, чтобы милорд выглядел таким суровым. Не знаю, рассердился он или нет, но я боялась его, и это было в первый раз, потому что он всегда был добрым и великодушным хозяином по отношению ко мне и другим слугам.

– О, милорд, – сказала я, внезапно почувствовав, что на меня навалились страх и страдание, – вы, конечно, не думаете, что я взяла их?

– Я ничего не думаю, – сказал он. – Вы с Шолмерсом должны оставаться в этой комнате и не выходить из нее, пока не получите моих приказов. Я немедленно пошлю за полицией.

Миледи повернулась в кресле и посмотрела на него.

– Полиция? – Сказала она. – О, Герберт, подожди до завтра! Ты еще даже не уверен, что они украдены.

– Где же они тогда? – Спросил он быстро и резко. – Джефферс говорит, что видела их в этом чехле час назад. Сейчас их нет. Ты или она знаете, где они находятся?

Я опустила на колени, поднимая бутылки, опрокинутые пустой шкатулкой для драгоценностей.

– Видит Бог, не я, – сказала я и заплакала.

– Дело должно быть немедленно передано в руки полиции, – сказал милорд. – Через несколько минут я вызову полицейского из отеля и обыщу номера. Джефферс, Шолмерс и их багаж будут обысканы завтра.

Миледи издала что-то вроде вздоха. Я была у ее ног и слышала ее. Но что касается меня, то я просто не выдержала и, стоя на коленях на полу с опрокинутыми бутылками, разливающими вокруг меня одеколон, заплакала сильнее, чем когда-либо с тех пор, как была ребенком.

– О, миледи, я их не брала! Я этого не делала! Вы же знаете, что я этого не делала! – Я всхлипнула.

Миледи выглядела очень несчастной.

– Моя бедная Джефферс, – сказала она и положила руку мне на плечо, – я уверена, что вы этого не делали. Если бы у меня было всего шесть пенсов, я бы поставила их на вашу честность.

Лорд Каслкорт ничего не ответил. Он подошел к звонку и

нажал на него. Когда мальчик ответил, он тихо передал ему сообщение, и не прошло и пяти минут, как в комнате появились двое мужчин. Только потом я узнала, что один из них был управляющим, а другой – гостиничным полицейским. Я, как могла, перестала плакать и услышала, как милорд говорит им, что бриллианты исчезли, и что мы с Шолмерсом были единственными людьми в комнате весь день. Затем он сказал, что хочет, чтобы они немедленно связались со Скотленд-Ярдом и прислали в отель способного детектива.

– Мы с леди Каслкорт идем ужинать, – сказал он, взглянув на часы. – Нам придется уехать, самое позднее, в течение следующих двадцати минут.

При этих словах леди Каслкорт вскрикнула:

– Герберт, я не представляю, как смогу пойти на этот ужин. Я слишком расстроена, и, кроме того, будет слишком поздно. Сейчас восемь часов.

– Мы можем наверстать упущенное в карете, – сказал милорд и вместе с полицейским прошел в соседнюю комнату, где они вполголоса переговорили. Я помогла миледи надеть плащ, и она стояла в ожидании, сдвинув брови, очень бледная и встревоженная. Когда милорд вернулся, он ничего не сказал, только кивнул миледи, что готов, и, не говоря ни слова, они вышли из комнаты.

Я старалась как можно лучше прибраться в бюро и собрать бутылки, и каждый раз, когда я смотрела на дверь в гостиную, я видела голову полицейского, смотрящую из-за

дверного косяка на меня.

Это была ужасная ночь. Я не знала об этом до тех пор, пока не узнала, что и я, и Шолмерс находились под тем, что они называют "наблюдением". Я также не знала, что лорд Каслкотт сказал полицейскому, что, по его мнению, мы невиновны, что у нас прекрасный характер, и ничто, кроме убедительных доказательств, не заставит его считать нас виновными. Все, что я чувствовала, ворочаясь в постели, – это то, что меня подозревают, арестуют и, возможно, посадят в тюрьму. Пятнадцать лет честной службы в благородных семьях не сильно помогли бы мне, если бы детективы вбили себе в голову, что я виновна.

На следующее утро мы услышали об исчезновении Сары Дуайт, и все стало выглядеть ярче. Сара покинула отель в начале восьмого вечера, ни с кем не разговаривая и неся небольшой чемоданчик. Когда они пришли, чтобы осмотреть ее комнату, они обнаружили жакет и юбку, висящие на стене, несколько обгоревших бумаг в камине, и почти пустую коробку в которой было дешевое хлопчатобумажное белье и грязное ватное одеяло. Сара никого не предупредила и ни разу не сказала никому из своих коллег-слуг, что она недовольна своим местом или хочет уйти.

В то утро мистер Брисон, детектив Скотленд-Ярда, вызвал нас в гостиную и задавал нам вопросы, пока я не запуталась и не перестала отличать правду от лжи. Лорд Каслкотт и миледи присутствовали оба, и мистер Брисон всегда вежливо

задавал миледи вопросы, пока она не рассердилась на него и не сказала, что совсем не уверена, что бриллианты были украдены. Брисон предположил, что они могли быть потеряны и где-нибудь найдутся, а миледи выглядела раздраженной и сказала, что это глупый вопрос и что она “не яснови- дящая”.

Через три дня после этого мистер Джон Гилси, детектив и, как я слышала, очень известный джентльмен, был нанят лордом Каслкортом для “работы над этим делом”. Он не сбивал нас с толку, как мистер Брисон, и было очень легко рас- сказать ему все, что мы знали или могли вспомнить, что он всегда с нетерпением ждал услышать. Он дважды приглашал меня в гостиную, один раз наедине и один раз с мистером Брисоном, и они задавали мне множество вопросов о Саре Дуайт. Я рассказала им все, что могла вспомнить, и когда я дошла до ее рук, какие они были белые и изящные, как у леди, я увидела, как мистер Брисон посмотрел на мистера Гилси и поднял брови.

– Вам не кажется, – сказал он, записывая слова в свою записную книжку, – что это похоже на Леди Лору?

И мистер Гилси ответил:

– Должен признать, манера работать очень на нее похожа.

– Когда я слышал о ней в последний раз, она была в Чи- каго, – сказал мистер Брисон, прерывая свои каракули, – но у нас есть информация за последнюю неделю, что она уехала оттуда.

– Леди Лора в Лондоне, – заметил мистер Гилси, разглядывая свои ногти. – Я видел ее три недели назад в Эрлскорте.

Мистер Брисон покраснел и выпятил губы, как будто собирался что-то сказать, но передумал. Он нацарапал еще несколько строк, а затем, глядя на написанное так, словно перечитывал его, сказал:

– Если это так, то очень мало сомнений в том, кто спланировал и осуществил это ограбление.

– Это хорошая версия, – сказал мистер Гилси, – и я надеюсь, что она правильная. И это было все, что он сказал в тот раз о том, что он думал.

После этого мы остались в Барридж до конца сезона, но он уже и вполтину не был таким веселым и занятым, как раньше. Милорд часто бывал угрюм и сердит, потому что горько переживал потерю бриллиантов, а миледи была не в духе и хандрила, потому что очень любила его, и то, что он так к ней относился, казалось, расстраивало ее. Мистер Брисон или мистер Гилси постоянно заглядывали и перешептывались в гостиной, но дальше они не продвинулись, по крайней мере, не было никаких разговоров о том, чтобы найти бриллианты, а это было единственное, что имело значение.

Это все, что я знаю о краже ожерелья. То, что произошло в то время, и то, что мистер Гилси называет “сопутствующими обстоятельствами дела”, я постаралась изложить как можно яснее и проще. Я так часто все вспоминала и так тщательно, что думаю, мои показания окажутся совершенно правильными.

ми во всех деталях.

**Заявление Лилли Бингем,
известной в Англии как Лора
Брайс, в Соединенных Штатах
как Френчес Латимер, в полиции
обеих стран как Леди Лора
(недавно работала горничной
в Отеле Барридж, Лондон,
под псевдонимом Сара Дуайт)**

Никогда в жизни я ничему так не радовалась, как возможности выбраться из этой мерзкой дыры, Чикаго. Я, конечно, никогда не вернусь туда, если не будет достаточно большого стимула, чтобы компенсировать наземную железную дорогу, озеро, шум, ветры, рестораны, климат и людей. Фу, какой кошмар!

Англия – это страна для меня, и Лондон – ее центр. Вы можете жить здесь как христианин и наслаждаться всеми тонкостями и приличиями жизни за разумное вознаграждение. Как мое сердце подпрыгнуло, когда я увидела старые, серые, закопченные стены, вырисовывающиеся сквозь речную дымку. Я подумала, что лучше всего прокрасться через черный

ход, потому что, если я поднимусь по парадной лестнице и позвоню в колокольчик, вокруг могут оказаться слоняющиеся люди, которые видели Леди Лору раньше, и они могут стать дерзкими любопытствующими о ее будущих передвижениях. А потом, когда я увидела, что меня ждет Том, мой собственный Том, за которого я законно вышла замуж в порыве любви три года назад в Лимингтоне, я выкрикнула приветствия, заплясала на палубе и помахала носовым платком. Стоило прожить год в Чикаго, чтобы вернуться в Лондон, к Тому и маленькой меблированной квартирке в Найтсбридж.

Мы были очень уважаемыми и тихими людьми в течение месяца. Всего несколько посетителей поднимались по парадной лестнице и скромные женские чаепития в промежутках. Я покупала растения, чтобы поставить их в окна, и взяла в заметном уединении, которое соседи могли не заметить. Когда я увидела, что незамужняя дама напротив внимательно разглядывает меня в бинокль, мне захотелось послать ей свое свидетельство о браке, чтобы она пробежала его глазами и успокоилась. Мы даже наняли горничную из агентства для придания местного колорита этой достойной домашней картине. Но когда план с бриллиантами Каслкорта начал созревать, я стала придираться к ней до тех пор, пока не прогнала. Тут появилась Мод Дурлан, надела чепец и фартук и сыграла свою роль гораздо лучше, чем когда-либо играли в водевиле.

Мы две недели лежали на дне, обдумывая наши планы,

но когда я уезжала из Чикаго, я знала, зачем возвращаюсь. Внешне все было так же, как обычно – приличные посетители все еще поднимались по парадной лестнице, и пожилые дамы, которые, без всякого напряжения воображения, могли бы быть моей матерью и тетушками, заглядывали на чай. Я часто задавалась вопросом, как бы себя чувствовали люди этажом ниже – это была семья человека, который делал резиновые шины для велосипедов – если бы они могли видеть Мод, нашу опрятную и респектабельную даму, сидящую зацепившись французскими каблуками тфель за третью полку книжного шкафа и стряхивающую пепел в корзину для бумаг.

Когда все было готово, мы с Томом отправились в “деловую” поездку на Континент. Мы уехали в четырехколесном автомобиле, за рулем которого сидел Красавчик Гарри, верх был завален багажом, мое лицо в окне улыбалось напоследок, предупреждая Мод на прощание. Пять дней спустя, под именем Сары Дуайт, меня поселили горничной на третьем этаже отеля Барридж.

Я и раньше занималась подобной работой – один раз в Нью-Йорке, а другой раз в Париже; родившись и проведя детство в этом веселом городе, я безукоризненно говорю по-французски. Знаменитое похищение рубинов графини де Шатогэ было моей работой, но я не должна хвастаться прошлыми подвигами. Я никогда не была замешана в краже из отеля такой важности, как в случае с каслкортскими брилли-

антами. Ожерелье было оценено в сумму от восьми до девяти тысяч фунтов. Камни были замечательны не столько размером, сколько качеством. Они были необычайно высокого качества и чистые, как вода.

После того, как я провела в отеле несколько дней и наблюдала за вечеринкой в Каслкорте, все опасения покинули меня, и я почувствовала уверенность и спокойствие. План был чрезвычайно прост. Леди Каслкорт была красавицей, обольстительной, улыбчивой, бело-золотой, совершенно лишенной здравого смысла. Муж обожал ее. Будучи человеком с мозгами, этого можно было ожидать. Чего нельзя было ожидать, так это того, что она, казалось, отвечала ему взаимностью. Тщательно изучив нравы и обычаи высших классов, я не была готова к этому. Я отмечаю это как одно из тех исключений из правил, которые время от времени встречаются в животном царстве.

Кроме маркиза и его дамы, нужно было подумать о горничной и камердинере. Первой была плотная, честная женщина по имени Софи Джефферс, около сорока лет, ничем не примечательная обычная горничная леди. В таком случае вполне естественно было обнаружить, что она влюблена в Шолмерса, камердинера, которому было двадцать семь лет и который был хорош собой. Джефферс была слишком строга к себе, но она не чувствовала необходимости придерживаться тех же жестких стандартов, когда дело касалось Шолмерса. Было бы меньшей ложью сделать его на десять лет

старше, или ее на десять лет моложе. Из этих фактов я сделала вывод о том, каким противником может быть Джефферс, и обнаружила, что, скромно избегая общества Шолмерса, я могла бы сделать ее своим другом на всю жизнь.

Вечер обеда герцога Даксбери был временем, которое я выбрала как наиболее удобное для того, чтобы взять камни. Я слышала от Джефферс, что маркиз и маркиза уезжают. Когда ее светлость в тот день выходила из своих комнат, я слышала, как она сказала Джефферс, что вернется не раньше шести и чтобы к этому часу все было готово. Следующие два часа я то и дело возилась с тряпкой в коридоре. Было около шести, когда я услышала разговор двух слуг в гостиной. Вид с высоты птичьего полета через замочную скважину показал мне, где они находятся и что они заняты поисками чего-то в столе. Это был мой шанс. С помощью ключа горничной я приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Кожаный футляр с бриллиантами был на туалетном столике в двадцати футах от двери. Не потребовалось и пяти минут, чтобы войти, открыть футляр, взять ожерелье и уйти. Джефферс услышала меня. Она была в комнате почти в тот момент, когда я закрыла дверь. Не успела она выйти в прихожую, как я уже рылась в кладовке в поисках пыльника. Но она, очевидно, ничего не заподозрила, потому что дверь не открывалась и не было никаких признаков беспокойства.

Два дня спустя мы с Томом вернулись из нашей “деловой поездки” на Континент. Я очень гордилась тем, как наш

багаж был помечен. У него был как раз правильный, пегий вид. Мы подъехали на четырехколесном автомобиле, Красавчик Гарри на козлах, и Мод открыла нам дверь. Следующие несколько дней мы вели себя тихо и не выходили из дома. Мы мирно проводили время на кухне, разбивая оправы бриллиантов и читая об ограблении в газетах. Как только все уляжется, Том должен был отвезти камни в Голландию, где их устроили бы. Мы выбросили оправы и положили бриллианты в маленький мешок из замши, который я приколола к корсету английской булавкой.

Так все и было – безмятежно, как летнее море, – до десяти дней после нашего возвращения, когда я начала беспокоиться. В Барридж у меня было то, что в Америке называют “напряженным временем”. Я работала весь день как раб, не имея ни души, с которой можно было бы поговорить, кроме кучки невежественных служанок, и мне хотелось оживиться. Я тосковала по свету и шуму Пикадилли, по толпе и ресторанам, но больше всего мне хотелось пойти в театр и посмотреть пьесу под названием “Прощенный блудный сын”.

Мод и Том подняли крик неодобрения: какой смысл рисковать? Неужели я думала, что, после почти года в Чикаго обо мне забыли? Неужели я думала, что люди из Скотленд-Ярда, которые знали меня, все мертвы? Неужели я думала, что волнение по поводу ограбления Каслкорта закончилось? Я зевнула им в ответ, а затем с нежной улыбкой сказала им, что они “малодушная пара”. В Скотленд-Ярде мо-

жет быть много людей, которые знают меня, и что, как говорят в Чикаго, “это только на пользу”. Они не могут арестовать меня за то, что я мирно сижу в театре и смотрю пьесу. Что же касается моей связи с Сарой Дуайт, то я дала бы сто фунтов любому, кто, когда я оденусь и нанесу боевую раскраску, найдет во мне хоть малейшее сходство с покойной горничной из "Барридж". Поэтому я их отговорила; и если я не убедила их в разумности своих аргументов, то, по крайней мере, сумела успокоить их страхи.

Я оделась с особой тщательностью и, когда последний ритуал моего туалета был завершен, критически посмотрела в зеркало, чтобы увидеть, осталось ли что-нибудь от Сары Дуайт. Результат меня удовлетворил. Мать Сары, если бы такой человек существовал, отказала бы мне. На мне было все черное. Широкое, блестящее платье, которое я купила в Нью-Йорке, с глубоким вырезом, и моя шея не является моим слабым местом, особенно когда ее натирают кремом с ароматом фиалок. Мои волосы были завиты (Мод делает это очень хорошо, гораздо лучше, чем готовит, к сожалению), и я была хорошо одета, на голове был маленький венок из герани. Нос припудрен до женственной белизны, немного румян, крошечная мушка в уголке одного глаза и длинные черные перчатки, и вуаля! На мне не было драгоценностей, их владельцы могли их узнать. Вряд ли можно было сказать, что я “носила” бриллианты Каслкорта, которые были прикреплены к моему корсету английской булавкой. Они были доволь-

но неудобны.

Пока я стояла перед зеркалом, нанося последние штрихи, Мод вышла из комнаты и направилась в гостиную, чтобы понаблюдать за Красавчиком Гарри, который должен был вести наш экипаж. Мне не нравилось брать наемного водителя, и, слава богу, я этого не сделала! Я накладывала на губы последний пунцовый мазок, когда она вернулась, ступая мягко, с круглыми и беспокойными глазами.

– Не знаю, может я нервничаю, – сказала она, – но только что мимо проехал мужчина в экипаже, он высунулся и пристально посмотрел на наши окна.

– Надеюсь, это его позабавило, – сказала я, критически глядя на свои губы, чтобы увидеть, не слишком ли они красные. – Это безобидный и невинный способ скоротать время, так что мы не должны быть к нему строги, если это не очень интеллектуальный способ. Давай, помоги мне надеть плащ, и не стой там, как статуя, уставившись на воров.

Я злилась на Мод, она пыталась таким образом нарушить мое душевное спокойствие. У нее было много достоинств, пока я была в Барридж, уткнувшись носом в точильный камень. И вот в первый раз, когда у меня появилась возможность повеселиться, она выглядит как подавленная сова и говорит, как предупреждающий голос совести! Когда она молча подняла мой плащ, а я сунула руку в рукав, я сказал через плечо:

– И тебе не нужно расстраивать Тома, рассказывая ему о

странных мужчинах в экипажах, которые пьются на наши окна. Я хочу хорошо провести время этим вечером, а не чувствовать, что сижу рядом с виноватым существом, которое подпрыгивает каждый раз, когда с ним разговаривают, как будто на нем лежит проклятие Каина.

Мод ничего не сказала, и я, натянув плащ, вышла в холл, где меня ждал Том.

Весь день был легкий туман, а теперь он стал густым; не “гороховый суп”, а хороший, влажный, скрывающий туман – обычная “радость взломщика”. Спускаясь по ступенькам, мы увидели, как два фонаря извозчика расплываются, как огни за белыми хлопковыми ширмами. Том ворчал по этому поводу и вообще по поводу выхода, когда помогал мне сесть. И как раз в эту минуту, тихо и быстро, как картинка, скользящая по слайду волшебного фонаря, я увидела, как человек на другой стороне улицы вышел из тени крыльца и быстро и мягко скользнул мимо света фонаря вверх по улице, туда, где вырисовывалась фигура ожидающего экипажа. Все это было очень просто и естественно, но его походка была странной, такой бесшумной и крадущейся.

Я села, и Том последовал за мной. Он ничего не видел. На данный момент я не говорила об этом, потому что я не была уверена. Но я должна признать, что мое сердце билось напротив бриллиантов Каслкорта сильнее, чем было удобно. Мы тронулись, и я прислушалась, и слабо, где-то позади нас, я слышала кер—комок!-кер—комок!-кер-комок! – стук ко-

пыт другой лошади по асфальту. Я наклонилась над дверью и попыталась оглянуться. Сквозь туман я увидела два желтых глаза экипажа позади нас. Том спросил меня, в чем дело, и я рассказала ему. Он свистнул, затем откинулся назад очень ровно и неподвижно. Некоторое время мы ничего не говорили, просто сидели и слушали.

Так он держался у нас за спиной минут десять. Затем я толкнула Гарри:

– Что это за экипаж позади нас, Гарри?

– Это то, что я хочу знать, – сказал он тихо-тихо.

– Оторвись от него, если сможешь, только незаметно.

Он попытался оторваться, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, по одной улице и вверх по другой. Туман к этому времени был густым и белым, как шерсть, и мы, казалось, прорывались сквозь него, как корабль, как будто мы проходили через что-то плотное и труднодоступное. Мне тоже показалось, что ночь была невыносимо тихой. Не было никакого движения, никакого шума колес, чтобы смешаться с нашим. Кер-коммок!—кер-коммок! стук копыт нашей лошади отражался от длинных рядов фасадов домов так же ясно, как звуки в спокойном море. И этот дьявольский экипаж никогда не терял нас. Он держался на таком же расстоянии позади нас. Мы слышали, как копыта его лошади, как эхо наших собственных, бьются в тумане. Он не приближался, не ускорялся. Он, казалось, не спешил, он никогда не отклонялся от нашего пути. В этом было что-то отвратитель-

но невозмутимое и холодное, какая-то смертельная, злое- щая настойчивость. Я видела его в воображении, как живое чудовище с выпученными желтыми глазами, со злорадной жадностью смотревшее на нас, когда мы слабо бежали перед ним.

Том почти ничего не сказал. В такие моменты он этого не делает. Нервы у него в порядке, но не мозги. У Тома нет изобретательских способностей, он не создан для кризисов. Красавчик Гарри время от времени бросал какое-нибудь замечание, которое было похоже на струйку ледяной воды, стекающую по позвоночнику. Я начала осознавать, что мои губы пересохли, а внутренняя сторона перчаток была влажной. Я знала, что все, что должно быть сделано, должно исходить от меня. Я втянула их в это дело, и, как говорят в Чикаго, “это зависело от меня”, чтобы вытащить их оттуда.

Я перегнулась через дверь и посмотрел на улицу, по которой мы ехали. Я знаю эту часть Лондона, как книгу: внутренности некоторых домов, а также внешние стороны, это часть нашего бизнеса, в которой я должна быть большим экспертом. Улица была маленькая, недалеко от Уолворт-Кре- сент, дома не самые шикарные в округе, но хорошие, солид- ные, надежные здания, населенные хорошими, солидными, надежными людьми. Все нижние этажи были освещены. Это было самое сердце сезона, и во многих из них готовились обеды. Я подумала со вспышкой тоски, такой, какую мог бы почувствовать утопающий, если бы подумал, что внезапно

очутился на твердой земле, о безмятежных, улыбающихся людях, сидящих за супом. Я бы отдала бриллианты Каслкорта в тот момент, чтобы сидеть с ними за холодным супом, кислым супом, жирным супом, любым супом, только за то, чтобы сидеть за супом!

Мы резко свернули за угол, теперь уже с бешеной скоростью, и я увидела перед собой длинную улицу, окутанную туманом и через равные промежутки времени размытую светом фонарей. Она выглядела призрачной, такой белой, такой бесшумной, с обеих сторон ее окружали тусклые фасады домов, испещренные неясным всплеском огней. Не было слышно ни звука, кроме стука копыт нашей собственной лошади, и вдалеке, как звук, приглушенный ватой, эхо нашего преследователя. Сквозь непрозрачную, неподвижную атмосферу я увидела, что перспектива, в которую я смотрела, была пуста. В поле зрения не было ни человеческой фигуры, ни автомобиля. Это было затишье, короткая передышка, момент неисчислимой ценности для нас!

Мой разум был ясен, как кристалл, и я чувствовала прохладное, высокое возбуждение. Я чувствовала себя так только в отчаянные моменты, и это был действительно отчаянный момент – преследователь следует по пятам и бриллианты в моем распоряжении!

Я перегнулась через двери и посмотрел на линию домов. Это была Фарли-стрит, 70. Кто жил на Фарли-стрит? Внезапно я вспомнила, что знаю все о людях, которые жили в доме

№ 15. Это были американцы по фамилии Кеннеди: мужчина, его жена и маленькая девочка. Он был менеджером лондонского филиала чикагского концерна под названием “Колониальная компания по производству ящиков, ванн и снастей”, о которой я часто слышала в Америке. Мы поместили дом и провели тщательное расследование, прежде чем я уехала, намереваясь добавить его в наш список, так как у миссис Кеннеди были красивые украшения и серебро. С тех пор как я вернулась, я видела ее имя в газетах на различных увеселительных мероприятиях, и Мод много рассказывала мне о ее успехах в обществе. Она была хорошенькой, и люди принимали ее. На то, чтобы рассказать об этом, у меня уходит несколько минут, но тогда все промелькнуло у меня в голове за один поворот колеса.

Теперь я могла видеть, что окна дома № 15 были освещены. Кеннеди, очевидно, были дома, возможно, ужинали. Они, как и весь остальной мир, через минуту сядут за суп. Должно быть, они уже сидят за столом; было около половины девятого. Почему мы не могли бы сесть с ними за стол переговоров?

Я сказала Гарри:

– Экипаж уже за углом?

– Нет, – ответил он, – это наш единственный шанс. Они все еще немного отстают от нас. Я могу сказать это по звуку.

– Поезжай в дом номер 15, второй от угла, – сказала я, – и езжай, как будто за тобой гонится дьявол.

Когда мы добрались до № 15, я заговорила с Томом серией прерывистых предложений.

– Мы идем сюда ужинать. Ты должен выглядеть так, как будто все в порядке. Если мы хорошо справимся с этим, они не посмеют задавать вопросы. Мы -майор и миссис Тэтчер, которые прибыли в субботу из Индии. Они американцы и ничего не будут знать, так что ты можешь говорить о том, что тебе нравится. Я жила в Лондоне, пока тебя не было. Вот так я узнала их. Меня зовут Этель. Сделай скучный, тяжелый вид, стиль "ястребиный". Американцы этого ожидают.

Мы рывком остановились у обочины, распахнули двери и бросились вверх по ступенькам. Я уловила исчезающий проблеск Красавчика Гарри, наклонившегося далеко вперед, чтобы хлестнуть лошадь, когда экипаж ускакал в туман. Когда мы стояли, прижавшись к двери, Том прошептал:

– Как, черт возьми, их зовут?

– Кеннеди, – прошипела я ему, – Кассиус П. Кеннеди. Родом из Некрополь-Сити, штат Огайо; жил в Чикаго в качестве клерка в колониальной компании по производству ящиков, ванн и снастей, а затем стал управляющим лондонским филиалом. Их слабое место-общество. Если там есть люди, держи рот на замке. Будь неразговорчивым.

Мы услышали стук преследующего нас экипажа в конце улицы, а затем сквозь матовое стекло двери увидели приближающуюся фигуру слуги.

– Зашли всего на несколько минут на кофе. Мы идем в

оперу, – прошептала я, когда дверь открылась.

Я ворвалась внутрь, Том следовал за мной по пятам. Мы шли так быстро, как только могли, потому что шум нашего преследователя громыхал в наших ушах, и мы знали, что попались, если нас увидят входящими. Когда Том несколько поспешно закрыл дверь, я заметила выражение удивления на лице торжественного дворецкого. Он ничего не сказал, но посмотрел на него. Я выскользнула из плаща и лениво протянула его ему.

– Нет, я не пойду наверх, – сказала я в ответ на его взгляд, полный растущего изумления.

Затем я повернулась к зеркалу в вешалке для шляп и начала приводить в порядок волосы. В нем отражалась пара полуоткрытых портьер, за которыми виднелась комната, залитая приглушенным розовым светом ламп. Я почувствовала движение за портьерами – шевеление юбок, что-то вроде любопытства.

Когда мы вошли, слышались голоса. Теперь я заметила крадущийся, время от времени свистящий шепот. Званого обеда не было. Мы собирались пообедать *en famille*. Тем лучше. Аккуратно причесавшись, я повернулась к дворецкому и, коснувшись рукой линии своего корсажа, пробормотала:

– Майор и миссис Тэтчер.

Мужчина отдернул занавеску, и, громко объявил наше имя, я прошуршала в комнату, Том за мной.

У пустого камина, лицом ко входу, в позах ожидания, сто-

яли молодой мужчина и женщина. В мягком розовом свете лампы я разглядел их изумленные лица или, скорее, изумленные глаза, потому что они отчаянно пытались стереть со своих лиц всякое удивление. Женщина преуспевала лучше всех. У нее это неплохо получалось. Увидев меня, она улыбнулась почти естественно и подошла ко мне, изрядно подражая гостеприимным манерам хозяйки. Она была молода и очень хороша собой: изящная, хрупкая женщина в развевающемся кружевном чайном платье. Ее рука была тонкой и маленькой, настоящая американская рука, и сверкала кольцами. Краем глаза я видела, как ее муж борется со своим изумлением и смотрит на Тома. Том стоял позади меня, громоздко нависая, ничего не говоря, но тупо глядя сквозь стекло, вставленное в глаз, и дергая себя за усы.

– Моя дорогая миссис Кеннеди, – сказала я самым сладким и томным голосом, – мы опоздали? Надеюсь, что нет. Там такой туман, что я уж думала, мы никогда сюда не доберемся.

Мои пальцы коснулись ее руки, и я посмотрела ей в глаза. Она была чрезвычайно любопытна и расстроена, но улыбалась смело и почти непринужденно. Я видела, как она внутренне борется за то, чтобы поставить меня на место, и задавалась вопросом, сможет ли она.

– И наконец, – бойко продолжила я, – я могу представить вам своего мужа. Я боялась, что вы начинаете думать, что он что-то вроде миссис Харрис. Гарри, дорогой, миссис и ми-

стер Кеннеди.

Все поклонились. Том протянул свою большую лапу и на мгновение взял ее маленькую ручку, а затем отпустил. У него был просто флегматичный, неуклюжий, совиный вид армейского человека определенного типа.

– Ужасно рад, что попал сюда, – прогремел он и посмотрел на мистера Кеннеди.

Мистер Кеннеди не был таким хозяином положения, как его жена. Он не то чтобы испугался, но внутренне растерялся, не зная, что делать.

– Рад познакомиться, – громко сказал он Тому, совершенно забыв свой английский акцент. – Рад, что вы смогли здесь побывать. Туманная ночь, все в порядке!

Я посмотрела на часы. Том торжественно стоял на коврике у камина, глядя на огонь. Кеннеди на мгновение не нашлись, что сказать, и мне пришлось снова посмотреть на часы, прищуриться и заметить:

– Только половина шестого. На самом деле мы вообще не опаздываем. Знаете, Гарри такой пунктуальный человек, и он боится, что у меня появились непунктуальные привычки, пока его не было.

– Его не было какое-то время, не так ли? – Спросила миссис Кеннеди, переводя с одного на другого пронизательные глаза, жаждущие информации.

– Четыре года с уланами в Индии, – снова прогремел Том. Кеннеди вздохнули с облегчением. Они оба сели, и было

очевидно, что они собирались духом для новых усилий.

Я сделала то же самое. Я поняла, что должна быть биографична в разумной степени, ровно настолько, чтобы удовлетворить любопытство, не создавая впечатления, что я сижу и рассказываю историю своей жизни так, как это делает героиня в первом акте пьесы.

– Он приехал только в прошлую субботу, – сказала я, – и вы можете себе представить, как я была рада, что смогла привезти его сегодня вечером в ответ на ваше любезное приглашение.

– Я очень рада, что он смог приехать, – пробормотала миссис Кеннеди, не обращая внимания на испуганный взгляд, брошенный в ее сторону мужем. – Очень удачно, что в этот вечер вы были свободны.

– Я повсюду таскаю его с собой, – продолжала я с девичьей болтливостью. – Люди начали думать, что майор Тэтчер – это миф, и я показываю им, что его очень много, и он очень жив. Вот уже четыре года, знаете ли, я живу здесь, сначала в этой жалкой квартирке на Хаф—Мун—стрит, а потом в своей квартире, вы знаете, на Гауэр-стрит. Довольно милое местечко, но теперь, когда в нем живет Гарри, оно стало намного лучше.

– Конечно, – сказала миссис Кеннеди с таким сочувствием, какое было совместимо с ее стремлением наброситься на те крохи информации, которые я уронила. – Как скучны были для вас эти четыре года!

– Скучно! – Я повторила, – скучно – это не то слово! – И я выразительно, акробатически закатила глаза к потолку.

– Она бы там не выдержала, – неожиданно прорычал Том басом. – Слишком жарко! Этель терпеть не может жару, никогда не могла.

Затем он замолчал, уставившись на огонь под зачарованным взглядом мистера Кеннеди. Как раз в этот момент объявили об обеде, и я слышала, как он сказал, входя следом за нами:

– В Индии очень жарко, миссис Кеннеди. Однажды в Дели я четыре дня просидел в холодной ванне и читал романы Уэверли.

На что миссис Кеннеди весело ответила:

– Я думаю, что это усыпило бы вас, и вы могли бы утонуть.

Это был один из самых замечательных обедов, на которых я когда-либо присутствовала. Из двух пар Кеннеди чувствовали себя наименее непринужденно. Они больше, чем мы, боялись, что их разоблачат. Холодный пот выступал на лбу мистера Кеннеди, когда разговор переходил к теме предыдущих встреч, и миссис Кеннеди начинала лихорадочно говорить о других вещах. Она была из тех женщин, которые ненавидят быть неравными в любых социальных ситуациях; и я должна признаться, учитывая, насколько она была неподготовлена, на этот раз она держалась с тактом и духом. У нее был обильный поток светской беседы, которой, похоже, владеют многие американцы, и она плавно и неумоимо перехо-

дила от одной темы к другой. Я усилила впечатление, которое уже произвела, упомянув о своих титулованных друзьях, небрежно позволив их именам слететь с моих губ, как жемчуг и бриллианты слетают с уст добродетельной принцессы.

Том тоже преуспел, превосходно преуспел. Когда в разговоре появились признаки томления, он заговорил об Индии. Он дал нам несколько странных сведений об этой далекой стране, которые, я думаю, он выдумал под влиянием момента, и рассказал несколько анекдотов, которые были довольно смертоносными и бессмысленными. Рассказав их, он издал короткий, глубокий смех, выронил свой монокль, посмотрел на нас одного за другим и спросил: – Ну что?

Я бы получила огромное удовольствие, если бы чувство тяжелого беспокойства не продолжало давить на меня. Что меня беспокоило, так это неуверенность в том, что мы действительно ускользнули от преследователей. Существовала ужасная вероятность, что они видели, как мы вошли в дом, и ждали, чтобы схватить нас, когда мы выйдем. Если бы они были там, и меня поймали с бриллиантами, это было бы довольно мрачное будущее для Леди Лоры, настолько мрачное, что я не могла представить его даже в мыслях. Пока я разговаривала и смеялась со своими хозяевами, мой разум перебирал все возможные способы, с помощью которых я могла бы избавиться от камней, прежде чем покинуть дом, пытаюсь придумать какой-нибудь способ, которым я могла бы избавиться от них, и все же который не лишил бы меня возмож-

ности их вернуть. Я думаю, что мои нервы были потрясены этой призрачной погоней в тумане. Во всяком случае, я не хотела рисковать второй раз.

Мы просидели за ужином чуть больше часа. Еще не было десяти, когда мы с миссис Кеннеди встали, и, напомнив Тому, что мы должны “пойти в оперу”, я умолкла, опередив хозяйку, которая шла через холл в гостиную. Здесь мы сели за маленький позолоченный столик и приготовились пережить тот унылый период, когда женщинам приходится терпеть общество друг друга в течение десяти минут. Это была моя возможность избавиться от бриллиантов, и я это знала.

Мы потягивали кофе в течение нескольких минут и уклонялись от обычных банальностей, когда я вдруг стала серьезной и, наклонившись к миссис Кеннеди, сказала:

– Теперь, когда мы одни, моя дорогая миссис Кеннеди, я должна спросить вас о деле, о котором мне особенно хотелось бы поговорить.

Она посмотрела на меня с тайной тревогой. Я видела, что она нервничает, готовясь к схватке с неизвестным.

– Какое дело? – Спросила она.

Я понизила голос до уровня откровенности, которая ужасна, если не трагична на самом деле:

– А как насчет бедняжки Амелии? – Пробормотала я.

Она опустила глаза в чашку и слегка нахмурилась. Я трепетала от волнения, ожидая услышать, что она собирается сказать. Через мгновение она подняла ко мне лицо, совер-

шенно спокойное и серьезное, и сказала:

– На самом деле, эта тема очень болезненна для меня. Я бы предпочла не говорить об этом.

Это был мастерский удар. Я и сама не смогла бы сделать лучше. Я смотрела на нее с нескрываемым восхищением. Вы бы никогда не подумали о ней такого; она казалась такой молодой. Сказав это, она вздохнула и снова посмотрела на свою чашку с выражением задумчивости на лице. В этот момент до моего слуха донеслись голоса мужчин, выходявших из столовой.

Я сунула руку под платье и расстегнула английскую булавку. Мои манеры стали вороватыми и торопливыми.

– Миссис Кеннеди, – сказала я, наклоняясь через стол и говоря почти шепотом, – я полностью разделяю ваши чувства, но я очень беспокоюсь об Амелии. Вы знаете ... обстоятельства. – Она подняла глаза, посмотрела в мои и мрачно кивнула. – Ну, у меня есть кое-что для нее. Ничего особенного, – сказала я в ответ на протестующий взгляд, который, как я заметила, появился на ее лице, – просто самый маленький пустяк, который я хотела бы, чтобы вы ей дали. Она поймет.

Я вытащила мешок и увидела, что она смотрит на него с любопытством и беспокойством. Мужчины приближались через заднюю гостиную. Я поднялась на ноги и, все еще с тайным, торопливым видом, сказала:

– Не беспокойтесь об этом. Это только от меня ей. Наши

мужья, конечно, не должны знать. Я положу это сюда. Бедная Амелия!

На столе стояла хрустальная чаша в серебре, я положила в нее мешок и положила сверху книгу.

– Миссис Тэтчер, – быстро сказала она, – правда, я ...

– Тише! – Я драматично сказала, – это для Амелии! Мы понимаем!

А потом в комнату вошли мужчины.

Через несколько минут мы ушли. Дворецкий вызвал для нас такси, и даже если человек никогда не был вором, он должен был иметь некоторое представление о том, что мы чувствовали, когда выходили из этого дома и спускались по ступенькам. Мы не разговаривали, пока не сели в экипаж и не уехали, по крайней мере, на это время.

В тот вечер мы отправились к Красавчику Гарри и послали его за Мод с сообщением, что она должна немедленно уехать со всеми вещами, которые сможет привезти. К одиннадцати она уже была с нами, держа свой и мой чемоданы на крыше четырехколесного грузовика. На следующее утро мы разбрелись: я в Кале по пути в Париж, Том в Эдинбург. Мод уехала с водевильной труппой, с которой она выступает “между делом”. Нам пришлось оставить в квартире много вещей, но я чувствовала, что мы дешево отделались, и не жалела об этом.

Такова история моей связи с ограблением бриллиантов Каслкорта. Конечно, на этом связь нашей банды с делом не

закончилась, но на этом мое фактическое участие закончилось. С этого момента я была просто заинтересованным зрителем. Мое заявление – всего лишь отчет о моей личной роли в краже, написанный с такой ясностью и полнотой, с какой я, не привыкшая к перу, смогла изложить.

**Заявление Кассиуса П. Кеннеди,
бывшего жителя Некрополь-
Сити, штат Огайо, ныне
управляющего Лондонским
филиалом колониальной компании
"Ящик, ванна и снасти". Компания
(Ltd.) из Чикаго и Сент-Луис**

Мы пробыли в Лондоне два года, когда произошла серия экстраординарных событий, которые втянули нас, не по нашей вине, в самое неприятное положение, которое когда-либо постигало двух честных, уважаемых американцев в чужой стране.

Меня послали основать английское отделение колониальной компании "Ящик, ванна и снасти", одной из крупнейших компаний Среднего Запада, и не прошло и двух месяцев, как я понял, что это предприятие получит успех, и я собирался стать во главе процветающего бизнеса. Я взял с собой жену и маленькую дочку. Мы были женаты пять лет – познакомились в Некрополе и жили там, а потом в Чикаго, где я получил свое первое большое повышение. Ее звали Дейзи К. Фэйрвезер из Банкумвилля, штат Индиана, и она была мест-

ной красавицей. Она также привлекла значительное внимание в Сент-Луисе и Канзас-Сити, где часто бывала.

Мы с Дейзи не знали многих людей, когда впервые приехали сюда, но прожив шесть месяцев, она оценила ситуацию и решила, как и куда она собирается вмешаться. Первое, что она сделала, – это подчинилась тем особым местным обычаям, которые казались ей наиболее возвышенными. В Чикаго мы всегда ужинали в половине седьмого, и каждый четверг у слуг был выходной. В Лондоне мы ужинали в первый год в половине восьмого, а во второй – в половине девятого. У нас было четверо слуг и дворецкий по имени Перкинс, который управлял всем, что попадалось на глаза, включая меня. Я всегда одевался к обеду после прихода Перкинса и старался выглядеть так, как будто это было моей привычкой всю жизнь. Я скорее утонул бы в море стыда, чем позволил бы Перкинсу думать, что я не был воспитан до этого.

Дейзи все поняла, а потом передала это мне. Она всегда навязывала мне инновации, и я делал все, что мог, чтобы придерживаться своей цели. Она перестала говорить так, как раньше в Некрополе, и заставила Элейн, это наша маленькая девочка, перестать называть меня “Поппер” и называть меня “Папа”. Она называла свои волосы спереди “челкой”, и она заставляла меня быть осторожным в том, что я говорил перед слугами.

– Слуги так говорят! – Говорила она, как будто слышала их. В Некрополь-Сити или даже в Чикаго мы никогда не бес-

покоились о разговорах о “помощи”. Они сказали, что хотят, и мы сказали, что хотим, и это было все, что нужно. Но я полагал, что все в порядке. Как бы там ни было, Дейзи К. Фэйрвезер Кеннеди сказала, что пойдет со мной.

Ко второму сезону Дейзи пробилась в общество и знала епископа и двух лордов. Нас часто приглашали в гости, и мы устраивали несколько достойных небольших обедов в нашей собственной лачуге на Фарли-стрит 15, недалеко от Уолворт-Кресент, в тридцатипятифутовом четырехэтажном здании, за которое мы платили ту же арендную плату, что и за семикомнатную квартиру в Чикаго. Дейзи к этому времени уже вовсю толкалась. Она была тем, что она называла “успехом”. По вечерам, когда мы никуда не выходили, она сидела со мной и говорила:

– Ну, я действительно не думаю, что я когда-нибудь смогу снова жить в Чикаго, и город Некрополь, безусловно, убьет меня.

В том же сезоне леди Сара Джайвз дважды обедала с нами (это был большой шаг, сказала Дейзи, и я принял это как должное), а однажды на приеме Дейзи стояла прямо рядом с маркизой Каслкорт, величайшей красавицей Лондона, и смотрела, как она пьет чай. В тот раз Дейзи с ней не встречалась, но она сказала мне:

– В следующем сезоне я познакомлюсь с ней, а потом, если мы будем осторожны, я поужинаю с ней. Тогда, Кассий П. Кеннеди, мы преуспеем!

Я сказал, – конечно! – Это то, что я в основном говорю ей, потому что она в основном права.

Это было в нашем третьем сезоне в Лондоне, в середине мая, когда произошли события, о которых я упоминал в начале моего заявления. Это было так.

Мы часто выходили в свет, почти каждый вечер, и были рады, что хоть раз провели тихий вечер дома. Конечно, это не значит то же самое, что в Некрополе или даже в Чикаго. Мы все равно обедаем в половине девятого и оба переодеемся к обеду. Мы должны, говорит Дейзи, что бы мы ни чувствовали, из-за слуг. Слуги в Лондоне, конечно, хорошие слуги, но то, как вы стараетесь не шокировать их чувствительные чувства, иногда делает свободнорожденного американца мятежным. Мне нравится думать, что я представляю интерес для моих братьев, но очень неприятно постоянно чувствовать, что вы не должны разрушать иллюзии дворцового или нарушать идеалы повара.

Пока мы ждали объявления об обеде, мы услышали, как подъехал экипаж и остановился, как нам показалось, у нашей двери. Мы вопросительно посмотрели друг на друга, а затем услышали, как отъехал экипаж, на полном ходу, я бы сказал, судя по шуму, который он произвел, и через минуту резко и быстро прозвенел звонок. Перкинс открыл дверь, и мы с Дейзи услышали, как в вестибюле что-то произнес женский голос, очень приятный и немного растягивающий слова. Я выглянул из-за занавесок и увидел мужчину и женщи-

ну, представительную пару, снимающих пальто и прихорашивающихся перед зеркалом в прихожей. Насколько я помню, я никогда не видел ни одного из них раньше, но по их общему виду я мог сказать, что они были настоящими, такими, каких Дейзи всегда культивировала и приглашала на ужин.

Я отступил назад и шепотом сказал ей:

– Кто-то пришел на ужин, а ты совсем забыла об этом.

Она покачала головой и прошептала в ответ:

– Я никого не приглашала на ужин, я уверена, что не приглашала.

– Ну, они здесь, независимо от того, звали мы их или нет, – прошипел я, – и ты не можешь их выгнать. Они ожидают, что их накормят.

– Кто они?

– Ты меня спрашиваешь?! Твоих друзей я никогда не видел.

– Ради бога, не удивляйся! Попробуй притвориться, что все в порядке.

Мы выстроились у камина и приготовили свои улыбки. Портьера была задернута, и Перкинс объявил:

– Майор и миссис Тэтчер.

Они с улыбкой вплыли в комнату, женщина впереди, шурша длинным блестящим черным платьем. Насколько мне было известно, я никогда раньше не видел никого из них. Женщина была очень хорошенькой; не в том смысле, в каком хороша Дейзи, с прекрасными чертами и идеальным цветом

лица, но стройной, бледной и аристократичной. У нее были черные волосы с венком из красных цветов и самая белая шея, которую я когда-либо видел. Она, очевидно, думала, что с ней все в порядке, что касается ее самой, дома и обеда, потому что она была совершенно безмятежна и легка, как старая туфля. Мужчина позади нее был крупным, красивым, плотным парнем, только что вернулся из Индии, говорили они, и он выглядел именно так. Он был таким же унылым, как иногда бывает у этих мертвых отличных армейских парней; это сочетается с длинными усами и моноклем.

Краем глаза я посмотрел на Дейзи и по ее лицу понял, что она не помнит ни одного из них. Но она не собиралась пугаться никакой ситуации, которая могла выплеснуться из бассейна общества. С ней было так же легко, как и с ними. У нее была улыбка на лице, как у ребенка, и она говорила маленькие, мягкие, сладкие вещи, которые женщины говорят так же сладко и мягко, когда приветствуют старых друзей.

Что ж, все прошло гладко, как летнее море. Они представились майором и миссис Тэтчер и много рассказывали о своей жизни и своих передвижениях. Все это, как я видел, Дейзи жадно слушала. Я не знал, помнит ли она их или нет, но я не думал, что она помнит, она была так осторожна, намекая на места, где она их встречала. Похоже, они хорошо ее знали, особенно миссис Тэтчер. Она намекала на шикарные дома, куда приглашали Дейзи, и на людей, которые становились друзьями Дейзи. Похоже, она и сама была в луч-

ших кругах. Я не хотел бы говорить, сколько раз она упоминала имена графов и лордов; один из них, барон, какое-то имя, похожее на Скрипку, она сказала, что он ее двоюродный брат.

Она не задержалась надолго после ужина. Я не думаю, что просидел с майором десять минут, и это были скучные десять минут, без сомнения. В нем не было ничего легкого и воздушного. Он спросил меня о Чикаго (который он произносил как “Чик-аго”) и сказал, что слышал, что в Скалистых горах есть хороший спорт, и он подумывал отправиться туда, чтобы поохотиться на Великого Аука. Я не знал, что такое Великий Аук, и спросил его. Он тупо посмотрел на меня и сказал, что верит в “большую птицу”, что меня удивило, так как я предположил, что это был зверь, похожий на бегемота.

Я был рад, что майор ушел, не только потому, что он был таким скучным, но и потому, что мне до смерти хотелось узнать у Дейзи, узнала ли она их и кто они такие. Они едва успели подняться по ступенькам, как входная дверь захлопнулась за ними, и я вернулся в гостиную.

– Ради всего святого, кто они такие? – Вырвалось у меня.

Она покачала головой, слегка рассмеялась и выглядела совершенно сбитой с толку.

– Мой дорогой мальчик, – сказала она, – я не имею ни малейшего представления. Это самая необычная вещь, которая когда-либо случалась со мной.

– Неужели ты ничего о них не помнишь? Разве они не

сказали что-то, что дало тебе ключ к разгадке?

– Ни слова, и все же они, кажется, так хорошо меня знают. Самым странным было то, что, когда вы были в столовой с мужчиной, женщина самым доверительным тоном начала расспрашивать меня о какой-то Амелии. Это было слишком ужасно! Я не имела ни малейшего понятия, что она имеет в виду.

– Что ты сказала? Ставлю десять против одного, что ты играла на равных.

– Я поняла, что это было отчаянно, и, после того, как я так достойно пережила ужин, я не собиралась ломаться из-за кофе. – А как насчет бедняжки Амелии? – спросила она. – Я поняла по слову "бедняжка" и по выражению ее лица, что это было что-то необычное и странное. Я подумала с минуту, а затем приняла как можно более серьезный вид и ответила, – действительно, эта тема очень болезненна для меня. Я бы предпочла не говорить об этом.

Мы оба расхохотались. Это было так похоже на Дейзи – быть готовой ко всему!

– А потом – это самая странная часть всего, она сунула руку под платье и вытащила какую-то маленькую вещь из замши и сказала мне, чтобы я передала ее Амелии от нее. Я попыталась остановить ее, но было слишком поздно. Она положила ее сюда, в хрустальную чашу.

Дейзи подошла к чаше и достала маленький мятый мешочек из замши.

– Похоже на камешки, – сказала она, пощипывая его.

А потом она открыла его и вытряхнула “камешки” себе на ладонь. Я наклонился, чтобы посмотреть на них, моя голова приблизилась к ее. Ладонь ее была покрыта маленькими сверкающими кристаллами разных размеров и очень яркими. Мы посмотрели на них, потом друг на друга. Это были бриллианты!

Какое-то мгновение мы оба молчали. Дейзи смеялась, и ее смех перешел в какое-то испуганное хихиканье. Ее рука начала слегка дрожать, и от этого бриллианты засверкали во всех направлениях.

– Что ... что это значит? – Спросила она, задыхаясь.

Я просто посмотрел на них и покачал головой. Но я почувствовал, как холод распространяется по телу.

– Как ты думаешь, они настоящие? – Повторила она, взяла вечернюю газету и высыпала их на нее.

Рассредоточенные таким образом, они выглядели ужасно многочисленными и богатыми. Их было, должно быть, больше сотни разных размеров, и, покачиваясь на поверхности бумаги, они сияли и сверкали, как звезды.

– Это целое состояние, Кассий, – сказала она почти шепотом, целое состояние в бриллиантах. Почему она оставила их?

– Разве она не сказала, что они для Амелии? – Сказал я глухим голосом.

– Да, но кто такая Амелия? Как мы ее найдем? Что же нам

делать? Это слишком ужасно!

Мы стояли друг против друга с газетой между нами и пытались думать. В свете лампы бриллианты подмигивали нам с какой-то человеческой злобой. Я повернулся, поднял мешочек, из которого они появились, рассеянно заглянул в него и потряс. Последний камешек выпал на бумагу, довольно большой, и присоединился к куче.

– Почему она оставила их здесь? – Дейзи застонала. – Зачем она нас побеспокоила? Почему она сама не отнесла их Амелии?

– Потому что она боялась, – сказал я мелодраматическим тоном. – Они украдены, Дейзи.

Я озвучил страх в наших сердцах. Мы сели друг против друга по обе стороны стола, между нами лежала газета, полная бриллиантов. Не знаю, был ли я таким же бледным, как Дейзи, но чувствовал я себя так же плохо, как и она. И, сидя так, глядя на испуганные лица друг друга, мы перебирали события вечера.

Мы не могли вытянуть из этого ничего особенного; это было слишком сверхъестественно. Но с самого начала мы оба решили, что что-то не так. Почему или как они пришли? Кем они были? Чего они хотели? Мы не могли ответить ни на один вопрос. Мы были в лабиринте. Единственное, в чем можно было быть уверенным, так это в том, что у них было сто пятьдесят бриллиантов разного размера, от которых они по какой-то причине хотели избавиться, и они избавились

от них, передав нам. И так мы говорили и говорили, пока постепенно не дошли до того, что внезапно, одновременно вздрогнув, посмотрели друг на друга и выдохнули:

– Бриллианты Каслкорта!

Мы прочитали все это в газетах, обсудили, и вот мы здесь, с кучей драгоценных камней на газете, которые могли быть теми самыми камнями.

– А в следующем году я надеялась познакомиться с леди Каслкотт. Я была уверена, что так и будет! – взывала Дейзи. – А теперь...

– Но не ты украла бриллианты, дорогая, – сказала я успокаивающе. – Тебе не нужно горячиться из-за этого.

– Но, боже мой, я могла бы с тем же успехом! Неужели ты думаешь, что в мире найдется хоть один дурак, который поверит в историю о том, что произошло здесь сегодня ночью? Люди говорят, что трудно поверить во все, что написано в Библии! Да ведь Иона и кит по сравнению с этим – обычное повседневное дело!

Это действительно выглядело плохо; чем больше мы говорили об этом, тем хуже это выглядело. Мы не спали всю ночь, и когда рассвет пробивался сквозь жалюзи, мы все еще разговаривали, пытаясь решить, что делать. За завтраком мы сидели, как два изваяния, ничего не ели, и весь тот день в офисе я не мог сосредоточиться, но сидел и думал о том, что, черт возьми, мы будем делать с этими проклятыми бриллиантами.

Первым делом я предложил пойти и сдать их в ближайшем полицейском участке. Но Дейзи и слышать об этом не хотела. Она сказала, что никто не поверит ни единому слову из нашей истории – это было слишком невозможно. И когда я подумал об этом, я должен сказать, что согласился с ней. Я представил, как рассказываю эту историю в суде, и понял, что на моем лице все время будет написано выражение сознательной вины. Я почувствовал, правда это или нет, что никто на самом деле не должен в это верить, и как честный, уважающий себя гражданин я не должен ожидать, что они поверят. И вот мы здесь, незнакомцы, о которых все равно никто ничего не знает! Дейзи сказала, что они примут нас за сообщников; и когда я сказал ей, что мы будем довольно хорошей парой сообщников, чтобы отказаться от добычи без борьбы, она сказала, что они подумают, что мы испугались и решили сделать то, что она называет “сдаться споличным”.

Она решила, что лучше всего оставить камни у себя, пока мы не придумаем более правдоподобную историю. Мы попытались это сделать, и на следующую ночь после нашей встречи с майором и миссис Тэтчер мы не спали до трех, придумывая “правдоподобные истории”. У нас была отличная коллекция, но казалось невозможным получить хорошую историю, не вовлекая кого-то. Я придумал историю, но она бросала мрачные подозрения на Дейзи; и у нее была еще лучше, но это, несомненно, привело бы к аресту Перкинса и горничной, а возможно, и меня.

Это была ужасная ситуация. Даже если бы мы сами могли избежать подозрений, это разрушило бы нас социально и финансово. Разве Колониальная компания "Ящик, ванна и снасти" сохранила бы в качестве главы своего лондонского филиала человека, который был замешан в сенсационном ограблении бриллиантов? Ни за что на свете! Эта должность требует высокого стандарта и незапятнанной репутации всех своих сотрудников. Меня бы уволили в конце месяца.

И Дейзи! Как бы отнеслись к этому епископ и два лорда? Мне больше не нужна эта маленькая женщина, можешь поставить свой последний доллар! Даже леди Сара Джайвз, которая, говорят, пойдет куда угодно, чтобы получить обед, смеялась бы над ней. Я их знаю. И я видел, как моя Дейзи сидит дома совсем одна в день приема и каждый вечер ужинает со мной. Нет, сэръ! Этому не быть, даже если Кассиусу П. Кеннеди пришлось бы отвезти эти бриллианты к Темзе и сбросить их с Лондонского моста в тяжелом мешке.

Это было ужасное положение. Каждое утро мы читали газеты, и наши сердца стучали, как молоты. Каждый звонок в колокольчик заставлял нас подпрыгивать, и мы смертельно боялись, каждый раз, когда портьера поднималась и появлялся звонивший, мы видели пуговицы и шлем полицейского с ордером на арест, скрытым на его лице. Мне стали сниться ужасные сны, а Дейзи совсем не спала, побледнела и осунулась. Мы придумывали все более "правдоподобные истории", но с каждым разом они становились все менее прав-

доподобными, и все наши свободные минуты вместе, которые раньше были такими счастливыми и беззаботными, теперь были темными и тревожными, как встречи заговорщиков.

Даже сокрытие этих несчастных вещей было изнуряющим беспокойством. Сначала мы решили разделить их: Дейзи будет носить свою половину в замшевой сумке, висящей у нее на шее, а я спрячу свою в пояс для денег, который ношу под одеждой. Мы уже почти договорились об этом, и я купил пояс, когда нам пришла в голову мысль, что, если мы погибнем в результате несчастного случая, они будут найдены на нас, и тогда воспоминания о нас дойдут до потомков, почерневших от стыда. Поэтому мы просто положили их обратно в сумку и заперли в шкатулке с драгоценностями Дейзи, вокруг которой мы вертелись, как, говорят, убийца вокруг тайника своей жертвы.

Я никогда раньше не знал, что чувствуют грабители, но если это было что-то похожее на то, что чувствовали мы с Дейзи, я удивляюсь, что кто-то когда-либо брался за это опасное ремесло. Мы были самыми несчастными существами в Лондоне, чувствуя себя парой воров, а наш незагрязненный, невинный дом был не лучше, чем "забор". В газетах было меньше информации о похищении бриллиантов, но это не давало нам покоя; потому что, во-первых, мы не знали наверняка, что у нас есть алмазы Каслкорта, а во-вторых, когда мы время от времени видели мрачные намеки на то, что

сыщики “вышли на новый и более многообещающий след”, мы скромно предполагали, что мы могли бы быть добычей, к которой он ведет. Дейзи начала говорить о том, что “попадет в тюрьму”, как о завершении своей карьеры, которая, возможно, не так уж далека, и с этой мыслью она постепенно смирилась.

Это касается моей непосредственной связи с украденными алмазами. Их последующая судьба – это вопрос, в котором моя жена заинтересована больше, чем я. Она также сможет рассказать свою часть истории с большим количеством литературных изысков, чем я. Я не пишуший человек, и все, что я пытался сделать – это честно и ясно изложить свою часть дела.

Показания Джона Бернса Гилси, частного детектива, специально занимавшегося делом об алмазах Каслкорта

Без четверти восемь вечера четвертого мая в Скотленд-Ярд поступило телефонное сообщение о том, что из отеля Барридж было украдено бриллиантовое ожерелье, принадлежащее маркизу Каслкорту. Брисон, один из лучших их людей, был подробно ознакомлен с этим делом, и через три дня маркиз нанял меня на службу. После расследования, которое заняло несколько недель, я убедился, что дело необычное и сложное. Причины, которые привели меня к такому выводу, я сейчас изложу как можно короче и яснее.

Как уже сообщалось в газетах, бриллианты в день ограбления лежали в кожаном футляре для драгоценностей на комодe в квартире леди Каслкорт. В эту комнату можно было попасть через три двери: ту, что вела в комнату лорда Каслкорта, ту, что вела в гостиную, и ту, что вела в холл.

Камердинер лорда Каслкорта, Джеймс Шолмерс, и горничная леди Каслкорт, Софи Джефферс, были заняты в этих апартаментах в течение всего дня. В шесть Джефферс разложила одежду ее светлости, достала бриллианты из метал-

лического ящика, в котором они обычно хранились, и положила их на бюро. Затем она удалилась в гостиную с Шолмерсом, где они оставались в течение получаса, разговаривая. В это время Джефферс утверждает, что она услышала шорох юбки в гостиной и подошла к двери, чтобы посмотреть, не вошел ли кто-нибудь. Никого не было видно. Она вернулась в гостиную и возобновила разговор с Шолмерсом. Это общее предположение—и оно, по—видимому, является разумным, — что алмазы были затем похищены. По словам Джефферс, они были на месте в шесть часов, а по показаниям лорда и леди Каслкотт они исчезли в половине восьмого. Человек, на которого падает подозрение — горничная по имени Сара Дуайт, у которой был ключ от номера.

Подозрения относительно Сары Дуайт усилились из-за ее действий. В четверть восьмого вечера она покинула отель без предупреждения и не взяла с собой ничего, кроме небольшого чемодана. При осмотре ее комнаты было обнаружено, что она оставила на вешалке платье, а также свою коробку, в которой находились несколько предметов грубого нижнего белья и ватное хлопчатобумажное одеяло. Она не общалась с другими слугами, но много разговаривала с Софи Джефферс, которая описала ее как бойкую, вежливую девушку, манера речи которой была выше ее положения.

Естественные подозрения, вызванные ее поведением, усилились в сознании Брисона после того, как он узнал, что знаменитая мошенница Леди Лора вернулась в Лондон. Я сам

видел эту женщину в Эрлскорте и рассказал об этом Брисону. Брисону показалось, что в описании горничной Джефферс было много общего с Леди Лорой. Кража напомнила нам обоим историю с рубинами графини де Шатогэ, когда именно эта воровка, которая говорит по-французски так же хорошо, как и по-английски, считалась движущей силой в одном из самых дерзких похищений драгоценностей нашего времени.

Брисон, уверенный, что Сара Дуайт и Леди Лора – одно и то же лицо, сосредоточил свои силы на попытке найти ее. Ему удалось найти женщину, очень похожую на Лору, леди, спокойно живущую в меблированной квартире в Найтсбридже с мужчиной, который выдавал себя за ее мужа. Он обнаружил, что эта пара отправилась в “деловую поездку” на Континент незадолго до появления Сары Дуайт в отеле Барридж и вернулась вскоре после ее отъезда отсюда.

Он считал эту пару и их передвижения достаточно важными, чтобы за ними следили, и в течение недели после их возвращения с Континента квартира не привлекала внимания. Однажды туманной ночью, когда он сам наблюдал за этим местом, мужчина и женщина вышли в вечернем платье и сели в экипаж, который их ждал. Брисон последовал за ними, и, поскольку туман был плотным, а их лошадь свежей, он потерял их в лабиринте улиц вокруг Уолворт-Кресент. Он уверен, что пассажиры экипажа поняли, что за ними следят, и попытались убежать. Он уверяет меня, что видел, как ку-

чер несколько раз обернулся и посмотрел на свой экипаж, а затем отчаянно хлестнул лошадь.

Одним из моментов в этой ночной погоне, который он считает наиболее примечательным, является то, как исчезли пассажиры экипажа. После того, как он держал кучера в поле зрения более получаса, он потерял его полностью и внезапно на короткой улице, которая проходит от Уолворт-Кресент на севере до Фарли-стрит; десять минут спустя у него сложилось впечатление, что он снова увидел его возле отеля "Гайд-парк". Но если это был то же самый экипаж, то он был пустым, и кучер ждал плату за проезд. В течение нескольких часов после этого Брисон патрулировал улицы по соседству, но не смог найти никаких следов подозреваемой пары. Была полночь, когда он вернулся к наблюдению за квартирой. На следующее утро он услышал, что его обитатели уехали. Ордер на обыск показал, что они ушли с такой поспешностью, что оставили много предметов одежды и т. д. Все свидетельствовало о поспешном бегстве.

Все это, по мнению Брисона, было явным доказательством вины Сары Дуайт. Над этой гипотезой он работает, и я не поколебал его уверенности в честности его усилий. Результаты моих исследований, которые я спокойно и систематически проводил в течение последних трех недель, привели меня к другому и гораздо более сенсационному выводу. То, что Сара Дуайт могла забрать бриллианты, я не отрицаю. Но она была всего лишь сообщницей. Настоящая воровка, по-

моему, Глэдис, маркиза Каслкорт!

Мои доводы в пользу этой теории основаны на наблюдениях, сделанных в то время, на моем большом и разнообразном опыте в таких случаях, а также на информации, которую я собирал с момента происшествия. Позвольте мне кратко изложить результаты моих выводов и исследований.

Леди Каслкорт, дочь нищего ирландского священника, была юной красавицей, воспитанной в ужасающей нищете. Ее брак с маркизом Каслкорт, состоявшийся весной семь лет назад, поднял ее положение в обществе и обеспечил финансовую легкость. Общество придавало ей большое значение; она стала одним из его самых блестящих украшений. Увлечение ее мужа было хорошо известно. В первые годы их брака он ни в чем не мог ей отказать, но потом он стал скуп, потому что, хотя лорд Каслкорт был человеком состоятельным, но он не был пером-миллионером, чтобы удовлетворить ее прихоти. Дама очень быстро стала очень экстравагантной. Она стала известна как одна из самых дорого одетых женщин в Лондоне. В некоторых светских журналах упоминалось, что доходы лорда Каслкрорта настолько сократились из-за расточительности его жены, что он был вынужден отдать свой городской дом на Гросвенор-Гейт в аренду и на два сезона снять комнаты в отеле Барридж.

Это простое изложение определенных тенденций дамы. Теперь позвольте мне более подробно изложить, как развивались эти тенденции и к чему они привели.

Прежде чем продолжить, я должен признаться, что мои подозрения в отношении леди Каслкорт возникли с самого начала. Возможно, именно с предрасположенным умом я начал те исследования ее жизни в течение последних пяти лет, которые убедили меня в том, что она была движущей силой в этой краже бриллиантов.

Первые два года своей замужней жизни леди Каслкорт большую часть времени жила в поместье Каслкорт-Марш-мэнор. В течение этого периода она стала матерью двух сыновей, и именно после рождения второго она отправилась в Лондон и провела там свой первый сезон после замужества. Она была в расцвете сил и даже красивее, чем в девичестве. Она вошла в моду: ни одно собрание не обходилось без нее; ее наряды описывались в газетах; члены королевской семьи восхищались ею.

Я выяснил, что в то время ее муж давал ей шестьсот фунтов в год на одежду. В течение первых двух лет своей супружеской жизни она жила в этих границах. Но после этого она превысила лимит на сотни, а затем и на тысячи фунтов. На пятый год после замужества она задолжала три тысячи фунтов. Ее кредиторами были портнихи, меховщики, ювелиры и модистки в Лондоне и Париже. Она не делала никаких попыток оплатить эти долги, и торговцы, зная ее высокое социальное положение и жесткое чувство денежных обязательств ее мужа, не давили на нее, и она продолжала тратить без ограничений.

Именно в прошлом году она, наконец, ускорила катастрофу, купив шубу из русского соболя на сумму в тысячу фунтов и набор бирюзовых украшений стоимостью в половину этой суммы. Каждая из этих покупок была сделана в Париже. Два кредитора, уже предупрежденные о ее нежелании оплачивать свои счета, как говорят, заключили пари с другими фирмами, которым она сильно задолжала, что они заберут у нее деньги в течение года.

Летом прошлого года Болконский, меховщик, впервые пригрозил леди Каслкорт судебным разбирательством. В конце сентября она поехала в Париж и навестила этого человека в его собственном офисе, и, я знаю это от очевидца, выказала величайший трепет и тревогу, наконец, со слезами умоляя продлить срок на месяц. На это Болконский согласился, предупредив ее, что по истечении этого срока, если его счет не будет улажен, он ознакомит его светлость с ситуацией и возбудит судебное разбирательство.

Еще до конца месяца, это было в октябре прошлого года, его счет был полностью оплачен самой леди Каслкорт. В то же время другие счета в Париже и Лондоне были полностью погашены полностью или частично. Я обнаружил, что в течение октября и ноября леди Каслкорт выплатила долги на сумму почти в четыре тысячи фунтов. В большинстве случаев она рассчитывалась со всеми лично, расплачиваясь банкнотами. Несколько долгов были оплачены чеком. От тех, с кем она вела эти денежные дела, я узнал, что она, казалось,

испытывала огромное облегчение от того, что смогла выполнить свои обязательства, и что во всех случаях она просила молчания по этому вопросу в качестве платы за свое будущее покровительство.

Теперь я подхожу к одной особенности этого дела, которая, признаюсь, сильно озадачивает меня. Леди Каслкорт все еще носила бриллианты, когда эта крупная сумма была выплачена ею. Насколько можно установить, она не предпринимала никаких попыток продать бриллианты, и я не могу найти никаких следов неудачной попытки украсть их. Она внезапно завладела четырьмя тысячами фунтов без помощи бриллиантов.

Естественно предположить, что “кто-то”, неизвестный кредитор, вложил эти четыре тысячи фунтов. Может быть у леди Каслкорт был любовник, к которому она в отчаянной ситуации обратилась. Но самое тщательное изучение ее прошлой жизни не выявило ни малейшего намека на это. Какой бы легкомысленной и экстравагантной она, несомненно, ни была, она, судя по ее личному поведению, была нравственной и добродетельной леди. Ее имя не было связано ни с одним мужчиной. Она не была замешана ни в глупом флирте, ни в скандальной и компрометирующей интриге. Ее преданность лорду Каслкорту, по-видимому, была абсолютно искренней. Хотя она не стеснялась обманывать его в своих денежных делах, она, несомненно, была совершенно честной в вопросе супружеской верности.

Где же тогда леди Каслкорт раздобыла такую крупную сумму денег? Мое прочтение ситуации вкратце таково:

Ее кредиторы взбунтовались, а леди Каслкорт пришла в ужас, и она обратилась к какой-то подруге за ссудой. Кто это, я понятия не имею, но среди ее большого круга знакомых есть несколько дам, достаточно обеспеченных и достаточно близких с леди Каслкорт, чтобы иметь возможность внести требуемую сумму. Это было сделано, как я показал выше, в октябре месяце, когда леди Каслкорт была в Париже, где она сразу же начала выплачивать свои долги. После этого она продолжала носить бриллианты и, по моему мнению, такова ее натура и безответственность характера, забыла об обязательствах по кредиту, который, вероятно, был дан под обещание скорейшего погашения, полностью или частично.

Именно тогда, как я думаю, новый и неизвестный должник леди Каслкорт начал настаивать на погашении долга. С такой женщиной, как леди Каслкорт, с ее вялыми и не деловыми методами, можно было легко добиться необычных условий. Она относится к тому классу людей, которые, испытывая острую нужду в деньгах, согласились бы на любые условия и немедленно забыли бы о них. Я уверен в том, что она согласилась на быстрое возмещение. Я уверен в том, что она снова столкнулась с разъяренным и угрожающим кредитором, и в отчаянии с помощью Сары Дуайт она украла бриллианты, намереваясь, вероятно, заложить их. Вот вывод, к которому привели меня мой опыт и расследование.

Как она выбрала Сару Дуайт в качестве сообщницы, я не могу сказать. По моему мнению, страх быть обнаруженной заставил ее обратиться за помощью к сообщнику. Приезд Сары, с ее явно подозрительным окружением, имеет вид предварительной подготовки, наводящей на мысль о том, что он был тщательно спланирован, чтобы отвести подозрения от настоящего преступника. Софи Джефферс заверила меня, что леди Каслкорт, насколько ей известно, никогда не разговаривала с горничной. Но Джефферс очень простодушный человек, ее было бы легко обмануть. То, что Сара Дуайт была сообщницей ее светлости, я уверен. То, что она взяла драгоценности и теперь владеет ими, – это тоже мое мнение.

Будучи убежденным в ее потребности в наличных деньгах, а также в опрометчивости и неуравновешенности ее характера, я ожидал, что леди Каслкорт предпримет какой-нибудь решительный шаг на пути продажи бриллиантов. Мои агенты были начеку, но до сих пор не нашли никаких доказательств того, что она пыталась разместить камни на рынке. Мы не нашли их следов ни в Лондоне, ни в Париже, ни на обычных складах в Голландии или Бельгии. Правда, бриллианты Каслкорты, не отличающиеся большими размерами, было бы легко утилизировать небольшими отдельными партиями, но наша система наблюдения настолько тщательна, что я не вижу, как они могли бы ускользнуть от нас. Я придерживаюсь мнения, что камни все еще находятся в руках Сары Дуайт, которая, независимо от того, является ли она

опытной воровкой или нет, вероятно, более осторожна и более сведуща в таких делах, чем леди Каслкорт.

То, что ее светлость с самого начала была объектом моих подозрений, может показаться странным для тех, кому она представляется только как особа высокого положения, богатства и красоты. Еще до того, как это дело попало в мое поле зрения, я слышал, как говорили о ее необузданной расточительности, и одно это, вкуче с тем фактом, что лорд Каслкорт не является пэром с огромным состоянием и что моральный облик леди, как говорят, безупречен, естественно, вызвало бы подозрение у человека, привыкшего к причудам и хитро-сплетениям эволюции преступности.

Во время моей первой беседы с ее светлостью я внимательно наблюдал за ней и был поражен ее бледностью, ее нетерпеливостью при допросе, ее едва скрываеваемой нервозностью и ее возмущенным отказом от подозрений, брошенных на ее слуг. Вся прислуга, работающая у нее, согласна, что она добрая и щедрая хозяйка, и было бы особенно обидно для ее характера думать, что ее служащие страдают из-за ее недостатков. Ее ответы на многие мои вопросы были расплывчатыми и уклончивыми, два раза она предположила, что драгоценности вовсе не были украдены, а были “потеряны”. Даже Брисон, чье суждение было искажено ее красотой и рангом, был вынужден признать странность этого замечания.

Описание поведения ее светлости, данное мне Софи

Джефферс, когда была обнаружена кража, еще больше укрепило мои подозрения. Поведение леди Каслкорт в этот момент могло бы сойти за естественное для тех, кто не привык к самой настоящей истерии, которая часто нападает на преступников. То, что она была доведена до высшей степени нервного возбуждения, признают все, кто ее видел. Джефферс утверждает, совершенно без задней мысли, без намерения причинить вред своей госпоже, которой она, по-видимому, предана, что первой эмоцией ее светлости, обнаружившей потерю, был страх перед мужем, что, когда он вошел в комнату, она инстинктивно попыталась спрятать за собой пустую шкатулку с драгоценностями, и что чуть ли не первыми ее словами, обращенными к нему, были заверения, что она не была небрежна, но хорошо хранила драгоценности.

Страх перед лордом Каслкортом, несомненно, был самым заметным чувством, которым она тогда обладала, и он проявлялся с необузданной откровенностью различными способами, описанными выше. После этого она попыталась быть более сдержанной и приняла вид, который казался почти безразличным, удивив не только меня и Брисона, но и Джефферс своими замечаниями, сделанными с раздраженным нетерпением, что они все еще могут “где-то появиться” и “что она не понимает, как мы могли быть так уверены, что они украдены”. Это изменение отношения было для меня даже более убедительным, чем ее прежнее проявление тревоги. Сама искренность и ребячество, с которыми она де-

монстрировала свои различные состояния ума, обезоружили бы большинство людей, но были для меня почти убедительными доказательствами ее вины. Это женщина, чья поверхностная безответственность ума еще более необычна, чем ее замечательная красота. Никто, кроме старого и опытного преступника или существа необычайной простоты, не мог бы вести себя так дерзко в такой ситуации.

Придя к этим выводам, я буду ждать и наблюдать до тех пор, пока бриллианты не будут либо заложены, либо проданы. Это может произойти не раньше, чем через несколько месяцев, хотя я склонен думать, что нужда ее светлости в деньгах вынудит ее к безрассудству, которое погубит ее. Сара Дуайт, возможно, сможет контролировать ее до определенного момента, но у меня сложилось впечатление, что с ее светлостью, напуганной и отчаявшейся, будет очень трудно справиться.

Это обновляет мое заявление. В настоящее время я просто жду развития событий, уверенный, что результат докажет истинность моего первоначального предложения и точность моей последующей линии аргументации.

**Заявление Дейзи К.
Фэйрвезер Кеннеди, бывшей
жительницы Некрополя, штат
Огайо, в настоящее время
проживающей на Харли-
стрит 15, Найтсбридж, Лондон**

Полагаю, мне нет необходимости объяснять, каким образом вечером 14 мая в мои руки попал мешочек из замши со ста шестьюдесятью двумя бриллиантами. Мне было достаточно того, что он попал в мое владение. Я никогда раньше не думала, что обладание бриллиантами может сделать женщину такой несчастной. Когда я была маленькой девочкой в Некрополе, я думала, что владеть бриллиантом, даже одним маленьким, было бы верхом человеческой радости. Но город Некрополь уже далеко позади, и я обнаружила, что владение горсткой из них может быть самой изнурительной формой страдания. Я полагаю, что в мире есть бесстрашные, честные люди, которые отнесли бы эти бриллианты прямо в полицейский участок и бросили вызов общественному мнению. Было бы лучше, если бы ваше слово подверглось сомнению, чтобы вас судили за воровство, посадили в тюрьму

и, вероятно, осложнили дипломатические отношения между Англией и Соединенными Штатами, чем скрывать в своем доме сто шестьдесят два драгоценных камня, которые вам не принадлежат. Я надеюсь, что все понимают, и я уверена, что все, кто меня знает, понимают, что я не хотела оставлять себе эти несчастные вещи. В любом случае, что хорошего они мне принесли, запертые в моей шкатулке с драгоценностями, в верхнем правом ящике бюро?

Мы не знали покоя с того трагического вечера, когда майор и миссис Тэтчер обедали с нами. Сначала мы попытались придумать, как избавиться от них, от бриллиантов, я имею в виду. Кассиус, простой, незамысловатый человек, хотел отвезти их прямо в ближайший полицейский участок и сдать. Вскоре я показала ему, насколько это безумно. Была ли в Лондоне хоть одна душа, которая поверила бы нашей истории? Разве самому американскому послу не пришлось бы склонить свою хохлатую голову, укротить свое огненное сердце и признать, что это была самая фантастическая история, которую он когда-либо слышал?

Это погубило бы нас навсегда. Даже если бы Кассиус не был смещен со своего поста главы английского отделения колониальной компании "Ящик, ванна и снасти" (Ltd) в Чикаго и Сент-Луисе, кто бы меня знал? След бриллиантов остался бы над нами навсегда. Леди Сара Джайвз ходила бы вокруг и говорила, что всегда считала, что у меня лицо вора, а епископ и два лорда убили бы меня в парке. Я бы получила свой

социальный покой навсегда. И я просто говорю вам, что, раз я так усердно работала над тем, чтобы познакомиться с этим епископом и двумя лордами и леди Сарой Джайвз, я не собираюсь сдавать их без борьбы.

Мы с Кассиусом провели две лихорадочные, мучительные недели, пытаясь придумать, что мы будем делать с алмазами. Я никогда раньше не знала, что у меня столько изобретательских способностей. То, о чем мы думали, было чудесно. Одна из наших идей состояла в том, чтобы поместить в газетах личную рекламу “Амелии”. Мы провели пять вечеров подряд, придумывая разные варианты, которые могли бы пробудить любопытство “Амелии” и заглушить любопытство всех остальных. Но ничего не получалось. Как бы мы ни крутили и ни вертели, мы не могли заявить, что у нас есть что-то ценное для “Амелии”, не заставив абзац ошестиниться какой-то таинственной важностью. Это было похоже на ловушку, расставленную и наживленную, чтобы привлечь внимание детектива. Мы придумали одно: “Будет ли Амелия любезна опубликовать свой настоящий адрес, чем обяжет майора и миссис Тэтчер?” Это объявление не касалось нас. И в течение двух недель мы читали газеты с бьющимися, полными надежды сердцами, но ответа не было. Я думала, “Амелия” этого не видела. Кассиус думал, что такого человека не существует.

Месяц тянулся незаметно, и вот мы оказались с этими ужасными драгоценными камнями, запертыми в моей шка-

тулке с драгоценностями. Я начала выглядеть бледной и несчастной, и Кассиус сказал мне, что, по его мнению, бриллианты становятся для меня “навязчивой идеей”, и ему придется для разнообразия забрать их у меня. Однажды я сказала ему, что чувствую себя так, как будто у меня никогда не будет покоя или я никогда больше не буду веселой, пока камни будут в моем распоряжении. Он сказал, что в таком случае он возьмет их как-нибудь ночью и бросит в Серпентайн, пруд, где отчаявшиеся люди совершают самоубийство. Но я отговорила его от этого.

– Возможно, их так и не найдут, – сказала я. – И когда-нибудь, когда мы состаримся, мы сможем их достать, и Элейн сможет их носить.

– Ты сможешь даже надеть их сама, – сказал Кассиус, пытаясь подбодрить меня.

– Что в этом хорошего? – Мрачно ответила я. – Мне будет по меньшей мере шестьдесят, прежде чем я осмелюсь одеть их.

Весь июнь я жила в этом изнурительном напряжении, с каждым днем худела и нервничала все больше. Сезон, который всегда так прекрасен и весел, больше не был для меня волнующим и радостным временем. Я ехала по Бонд-стрит с хмурым лицом, и меня совсем не радовало, сколько людей я, казалось, знаю. Глядя на тихие, заасфальтированные улицы, где линии степенных фасадов домов освещены полированной медью на дверях и цветочными ящиками на окнах, я

больше не испытывала волнующей решимости когда-нибудь стать почетным гостем в каждом доме. Когда я проезжала мимо зеленых овалов маленьких парков, в которые нельзя войти без личного ключа, я не испытывала прежнего желания тоже иметь ключ, войти и пообщаться с аристократией, сидящей на деревянных скамейках.

Даже встреча с графиней Белсборо на приеме и ее дружеский вопрос, не знаю ли я ее кузена Джона, который работал где-то в Мексике или Гондурасе, она не была уверена, где именно, совсем не развеселил меня. Перемена во мне была необычайной. Когда я впервые приехал в Лондон, если бы даже викарий или клерк из сити задали мне такой вопрос, я бы постаралась вспомнить Джона, как будто Мексика была моим палисадником, и я играла вокруг Гондураса, когда была ребенком. Теперь я сказала леди Белсборо, что ни Мексика, ни Гондурас не являются частью Соединенных Штатов, довольно резко, как будто я считала ее глупой. И все из-за этих проклятых бриллиантов!

Это было в конце июня, и дни становились теплыми, когда наступил кульминационный момент.

Давление сезона ослабевало. Рододендроны в парке были мертвы, и на деревьях лежала пыль. В Сент-Джеймсе трава была довольно изношенной и пятнистой, и странно одетые люди лежали на ней, спали на солнце. Можно было встретить множество американских туристов в белых рубашках с поясом и длинных вуалях. Я подумала о том времени, когда

я тоже, невинно и бездумно, носила белую рубашку-талию, и это не казалось мне таким уж ужасным временем, в конце концов, по крайней мере, у меня тогда не было ста шестидесяти двух украденных бриллиантов в моей шкатулке для драгоценностей. В те дни на душе у меня было легче, даже если моя рубашка стоила всего доллар и сорок девять центов в универмаге в Некрополе.

Месяц закончился тем, что англичане называют “ужасной жарой”. Стояла довольно теплая погода, и мы много сидели на маленьком балконе, который находится над входной дверью и выходит из моей комнаты. Фарли-стрит – тихая улица, поэтому у нас там были стулья и стол, и мы обычно пили чай под одной пальмой. Только на это там места и хватало. Мы не могли принимать там посетителей, потому что балкон выходил из моей спальни. Так что наши чаепития на балконе были исключительно семейными: только Кассиус, Элейн и я.

Последний день месяца был действительно очень теплым. Все двери в доме были открыты, и слуги ходили, задыхаясь, с красными лицами. В тот вечер я обедала дома одна, так как один из членов компании "Ящик, ванна и снасти" находился в Лондоне, в "Карлтоне", и Кассиус обедал с ним. Я не ждала его дома до позднего вечера, так как им было о чем поговорить.

Весь день я чувствовала себя неважно. От жары у меня разболелась голова, и после обеда я лежала на диване в гостиной, чувствуя себя совершенно несчастной. Горело лишь

несколько ламп, и в доме было темно и очень тихо. Одиночество в полутьме действовало мне на нервы, и я решила подняться наверх и пораньше лечь спать. Я всегда ненавидела сидеть в одиночестве, а теперь еще больше, чем когда-либо, с бриллиантами на совести.

Наша лестница устлана толстым ковром, и, поскольку на мне были тонкие атласные тапочки и креповый чайный халат, я совершенно бесшумно поднялась наверх. У меня в комнате всегда горит свет, поэтому, когда я увидела желтый отблеск под дверью, я ничего не подумала об этом, а просто тихонько толкнула дверь и вошла. Затем я остановилась как вкопанная. Мужчина в мягкой фетровой шляпе и с платком, повязанным на нижней части лица, стоял перед бюро!

Он не слышал меня, и какое-то мгновение я стояла, не издавая ни звука, наблюдая за ним. Два газовых рожка по обе стороны от бюро горели, и эта часть комнаты была залита светом. Очень быстро и тихо он переворачивал содержимое ящиков, вынимал шнурки, перчатки и вуали, разбрасывал их в разные стороны и открывал каждую коробку, которую находил. Мое сердце подпрыгнуло, когда я увидела, как он схватил шкатулку с драгоценностями, и мой рот, к сожалению, издал какой-то звук, я думаю, это был своего рода вздох облегчения, но я не уверена.

Что бы это ни было, он услышал. Он вздрогнул, как будто его ударило током, поднял голову и увидел меня. Всего секунду стоял, уставившись на меня, а потом сказал что-то,

по-моему, непристойного характера, и побежал на балкон.

И я тоже побежала. На пути что-то стояло, кажется, маленький столик, и он налетел на него. Это на мгновение остановило его, и я первой подошла к окну. Я бросилась поперек него, раскинув руки, в позе, подобной той, которую принимает Сара Бернар, когда она преграждает выход своему возлюбленному в "Федоре". Но я не думаю, что какая-либо актриса когда-либо преграждала выход своему любовнику с такой решимостью и рвением, как я преградила выход этому грабителю.

– Ты не можешь уйти! – Дико закричала я. – Ты кое-что забыл!

Он остановился прямо передо мной, и я заплакала:

– У тебя их нет, они в шкатулке с драгоценностями.

Он шагнул вперед и положил руку мне на плечо, чтобы оттолкнуть меня в сторону. Я была в полном отчаянии и завывала:

– О, не уходи, не открыв шкатулку с драгоценностями. В ней есть некоторые вещи, которые, я знаю, тебе понравятся.

Он попытался оттолкнуть меня, мягко, это правда, но с силой. Но я вцепилась в него, схватила его за руку, что, должно быть, выглядело довольно нежным пожатием, и продолжала умоляюще:

– Не надо так торопиться. Прости, что прервала тебя. Если ты обещаешь не уходить, пока не осмотришь мои вещи и не возьмешь то, что тебе нужно, я выйду из комнаты. Я

вошла совершенно случайно.

Грабитель отпустил мою руку и посмотрел на меня поверх платка парой глаз, которые казались довольно добрыми и приятными.

– В самом деле, – сказал он глубоким, джентльменским голосом, который показался мне знакомым, – в самом деле, я не совсем понимаю.

– Я знаю, что нет, – импульсивно перебила я. – Как можно было ожидать от тебя этого? И я не могу объяснить. Это очень сложный вопрос, и займет слишком много времени. Только не пугайся и не убегай, пока не возьмешь что-нибудь. Ты подверг опасности свою жизнь и рисковал попасть в тюрьму, чтобы попасть сюда, и не будет ли слишком глупо после этого уйти без чего-либо? Теперь, в шкатулке для драгоценностей, я указала на нее и заговорила, как я надеялась, самым вкрадчивым тоном, есть некоторые вещи, которые, я думаю, тебе понравятся. Если бы ты только взглянул на них...

– Вы очень убедительная леди, – сказал грабитель, – но...

Он снова подошел к окну. Меня пронзило чувство абсолютной тоски от того, что он уходит без бриллиантов. Я снова бросилась перед ним и каким-то образом, не могу сказать, каким образом, поймала платок, закрывавший его лицо, и стянула его вниз. Там было красивое лицо и длинные усы майора Тэтчера!

Я попятилась от него в величайшем замешательстве. Он

тоже покраснел и выглядел смущенным.

– О, майор Тэтчер, – пробормотала я, – прошу прощения! Мне очень жаль. Я не знаю, как это произошло. Я думаю, что конец платка зацепился за мой браслет.

– Прошу вас, не говорите об этом, – ответил майор, – совсем ничего.

Потом мы оба замолчали, стоя друг против друга, не зная, что сказать. Меня нелегко напугать, но следует признать, что ситуация была необычной.

– Как поживает миссис Тэтчер? – В отчаянии спросила я, когда тишина стала невыносимой. И майор ответил своим глубоким голосом и с самым резким военным видом:

– Этель в отличной форме. Никогда в жизни ей не было так хорошо, спасибо.

– Кассиус тоже пребывает в добром здравии, – ответила я. – К сожалению, сегодня его нет дома.

– Только подумайте, – сказал майор Тэтчер. Затем последовала пауза, и он добавил, – как утомительно!

Мне больше нечего было сказать, и мы снова замолчали. Это было действительно самое неудобное положение, в котором я когда-либо находилась. Майор, несомненно, был грабителем, но выглядел и говорил как джентльмен, кроме того, он обедал с нами. Это имеет большое значение. Когда человек преломил хлеб за вашим столом как уважаемый человек, трудно заставить свой ум относиться к нему сурово, как к преступнику. Я чувствовала, что единственное, что можно

сделать – это любезно проигнорировать все это, точно также как делаете вы, когда кто-то проливает вино на вашу лучшую скатерть. В то же время там были бриллианты! Я не могла упустить такой шанс.

– О, майор Тэтчер! – Сказала я с таким видом, словно внезапно что-то вспомнила. – Не знаю, известно ли вам, что ваша жена оставила здесь небольшой сверток в тот вечер, когда вы обедали с нами. Это было для Амелии.

Майор Тэтчер посмотрел на меня с самым серьезным выражением лица.

– Конечно, – пробормотал он, – для Амелии.

– Ну, – продолжала я, стараясь придать своим словам легкий светский тон, – вы же знаете, что мы не можем ее найти. Очень глупо с нашей стороны, не сомневаюсь. Но мы пытались и нигде не можем.

Майор Тэтчер тупо уставился на туалетный столик.

– Странно, честное слово! – Сказал он.

– Итак, майор Тэтчер, если вы не возражаете, я верну его вам. Я думаю, учитывая все обстоятельства, будет лучше, если вы сами отдадите его Амелии.

Я подошла к туалетному столику.

– Вы ведь не возражаете, правда? – Спросила я через плечо, открывая шкатулку с драгоценностями.

– Нисколько, нисколько, – ответил майор. – Все, что угодно, лишь бы угодить леди.

Я вытащила мешочек из замшевой кожи.

– Вот он, – сказала я, протягивая его ему. – Вы найдете его в идеальном состоянии и вполне полным. Мне так жаль, что мы не смогли найти Амелию. Не знать остальную часть ее имени было довольно неудобно. В справочнике были десятки Амелий.

Майор взял мешок и положил его в нагрудный карман.

– Десятки Амелий, – повторил он, хлопнув себя по карману. – Кто бы мог подумать!

– Мы даже дали объявление, – продолжила я. – Возможно, вы видели сами; оно было в “Морнинг геральд”, очень короткое и уклончивое, но на него никто не ответил.

– Да, я совершенно отчетливо помню, что видел его. Это—это—указывало нам—ай—ай...

Майор покраснел и замолчал, дергая себя за усы.

– Что мы не нашли Амелию и подарок все еще у нас, – ответила я бодрым тоном. – В том-то и дело. И поэтому вы пришли за ним? Очень любезно с вашей стороны, майор Тэтчер.

Майор поклонился. Он действительно был очень красивым, хорошо воспитанным человеком. Если бы он был честным, уважаемым человеком, каким мы его сначала считали, я бы с удовольствием добавила его в свою коллекцию. Я уверена, что если бы вы узнали его лучше, он был бы гораздо интереснее, чем епископ и лорды.

– Вы очень добры, – сказал он. – А теперь, миссис Кеннеди, я думаю ... я думаю, может быть, – он посмотрел на окно, выходящее на балкон, – я думаю, мне лучше ...

– Вы должны идти! – Воскликнула я, точно так же, как говорю это епископу, когда он ставит чашку и смотрит на часы. – Какое несчастье! Но, конечно, другие ваши обязательства...

Я остановила себя, внезапно осознав, что это было не просто то, что нужно сказать майору. Когда вы разговариваете с грабителем, не кажется деликатным или вдумчивым намекать на его “другие обязательства”. То, что я так оступилась, связано с тем, что я никогда раньше не разговаривала с грабителем и должно быть была несколько неловкой.

Майор, казалось, не возражал.

– Именно так, – сказал он. – Я сейчас очень занят. Я ...
э—э ... я...

Он снова посмотрел в окно.

– Я ... э—э ... вошел от туда, – сказал он, – но, возможно,...

– На вашем месте я бы не стала выходить этим путем, – поспешно ответила я. – Это выглядело бы так странно, если бы кто-нибудь вас увидел.

В его взгляде, когда он встретился с моим, было больше остроты, чем я видела в нем раньше.

– Именно так, – с воодушевлением ответила я. – Как вы думаете, что подумали бы слуги, если бы увидели, как вы выходите отсюда? Это, майор Тэтчер, моя комната.

– Боже мой, – сказал майор, – я полагаю, вы правы. Я никогда об этом не думал.

– Подождите здесь, я посмотрю, все ли в порядке, – сказала я, – а потом я вернусь и расскажу вам.

Я вышла в холл и посмотрела через перила. Газ слабо горел, и полоска розового света от лампы падала из полуоткрытых портьер гостиной. Не было слышно ни звука. Я знала, что все слуги в задней части дома до одиннадцати часов, когда, если мы были дома, они выключали свет и запирали двери. Я тихонько прокралась в свою комнату. Майор стоял перед зеркалом, развязывая платок, висевший у него на шее.

– Все в порядке, – заверил я его, бессознательно понизив голос. – Вы можете спокойно уйти, я вас выпущу. Только вы не должны производить ни малейшего шума.

Он сунул платок в карман и надел шляпу, надвинув поля на глаза. Должна признаться, он и вполовину не выглядел таким выдающимся. Когда платок исчез, я увидела, что на нем фланелевая рубашка с отложным воротником, а шляпа закрывает лицо, и он действительно показался мне странным человеком, когда я спускалась по лестнице в половине одиннадцатого вечера. Если бы Перкинс, который пришел к нам, ощетинившись респектабельностью из знатной, евангельской, аристократической семьи, встретил нас, я бы никогда больше не подняла голову.

– А теперь, если вы услышите Перкинса, – прошептала я, – ради бога, спрячьтесь где-нибудь. Бегите в мою комнату, если больше никуда. Перкинс не должен вас видеть!

Майор что-то прорычал в ответ, и мы, затаив дыхание, на

цыпочках прокралась через холл к лестнице. Я была напугана гораздо больше, чем он. Я знаю, что по мере того, как я кралась от шага к шагу, мое сердце билось все быстрее и быстрее. Могли произойти такие ужасные вещи: внезапное появление Перкинса, чтобы погасить свет; Кассиус мог вернуться с обеда пораньше и открыть входную дверь как раз в тот момент, когда я собиралась выпустить майора! Когда мы подошли к двери, я была совсем слаба, в то время как майор казался таким спокойным, как будто он нанес визит.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал он, пытаясь снять шляпу.

– О, не обращай внимания на вежливость, – выдохнула я. – Бриллианты у вас. Это все, что имеет значение. Спокойной ночи. Передайте от меня привет миссис Тэтчер.

И он исчез! Я закрыла дверь и прокралась наверх. Сначала я почувствовала слабость, а потом истерику. Когда Кассиус вернулся домой в одиннадцать, я лежала на диване в слезах, и все, что я могла ему сказать сквозь рыдания:

– Бриллианты пропали! Бриллианты исчезли!

Сначала он подумал, что я сошла с ума, а потом, когда я, наконец, показала ему, он разволновался почти так же, как и я. Он спустился вниз и принес бутылку шампанского, и мы отпраздновали это событие в полночь в нашей комнате. Позже нам пришлось солгать Перкинсу, чтобы объяснить, почему не хватает одной бутылки. Но какое значение имела ложь или даже мнение Перкинса о нас? Мы больше не были раз-

давлены весом ста шестидесяти двух алмазов, которые нам не принадлежали!

Такова история моей связи с этим делом. С той ночи я никогда не видела и не слышала о камнях, не видела ни майора, ни миссис Тэтчер. Алмазы поступили в наше владение и покинули нас в точности так, как я сказала, и хотя мое заявление может вызвать большое недоверие со стороны моих читателей, все, что я могу сказать, это то, что я готова поручиться за правдивость каждого слова.

Заявление Глэдис, маркизы Каслкорт

Я уверена, что если кто-то и был наказан за свои проступки, так это я. Наверное, мне следовало бы сказать "грехи", но это такое неприятное слово! Я не могу представить себя совершающей грехи, и все же это именно то, что я, кажется, сделала. Я не была бы более удивлена, если бы кто-то сказал мне, что я собираюсь совершить убийство. Я поняла одну вещь: вы не знаете, что можете сделать, пока не испытаете искушения. И тогда вы поступаете неправильно, прежде чем осознаете это, и внезапно до вас доходит, что вы преступник совершенно неожиданно, и никто не удивляется больше, чем вы. Я, конечно, знаю, что я была самым удивленным человеком в Лондоне, когда поняла, что я ... Но я слишком отвлекаюсь, а я хочу рассказать свою историю просто и коротко.

Всем известно, что, когда я вышла замуж за лорда Каслкорта, я была бедна. Чего все не знают, так это того, что я не была прирожденным бережливым человеком. Расточительность была у меня в крови, как пьянство или любовь к картам у некоторых мужчин. У меня вообще никогда не было денег. Я годами носила одни и те же перчатки и всегда шила себе платья, тоже неплохо. Я сшила платья, о которых говорила леди Банди, но это не имеет никакого отношения к де-

ду, я ухожу от сути.

Как я уже говорила, я была бедна. Я не знала, насколько я экстравагантна, пока не вышла замуж, и лорд Каслкот не дал мне шестьсот фунтов в год, чтобы я одевалась. Для меня это было целое состояние. Я никогда не думала, что у одной женщины может быть так много. Первые два года нашей супружеской жизни я не обращала на это внимания, потому что большую часть времени мы жили в деревне, и я не привыкла к этому, и была осторожна с деньгами. Я все еще не привыкла, когда после рождения моего второго мальчика Герберт привез меня в город на мой первый сезон после нашей свадьбы.

Затем я начала тратить деньги, причем в больших количествах, так как мне казалось, что шестьсот фунтов в год – это абсолютно неисчерпаемая сумма. Когда я видела что-нибудь красивое в магазине, я покупала это, и я обычно забывала спросить цену. Продавцы всегда были добры и любезны, и, казалось, забывали о цене так же полностью, как и я.

После того, как я покупала одну вещь, они убеждали меня посмотреть на что-то другое, что было убрано в ящик или разложено в картонной коробке, и если мне это нравилось, я покупала и это. Если я когда-нибудь останавливалась, чтобы подумать, что покупаю очень много, я довольствовалась уверенностью, что у меня есть шестьсот фунтов в год, что было так много, что я никогда их не истрочу.

После того первого сезона пришло очень много счетов, и я

была весьма удивлена, увидев, что уже потратила, едва прошло полгода, больше моих шестисот фунтов. Я не могла понять, как это произошло, и я спросила об этом Герберта и показала ему некоторые из моих счетов, и впервые за нашу супружескую жизнь он рассердился на меня. Он довольно резко отругал меня и сказал, что я должна придерживаться своих карманных расходов. Я была обижена, а также несколько сбита с толку всеми этими разными счетами, большинство из которых я не могла вспомнить, и я решила больше не советоваться с Гербертом, так как это только раздражало его и заставляло его сердиться на меня, а этого я не могу выносить. Весь мир должен любить меня. Если в доме есть служанка, которой я не нравлюсь, а я это сразу чувствую, то я должна заставить ее полюбить меня, или она должна уйти. Но мой муж, самый лучший и прекрасный человек в мире, чтобы он сердился на меня и ругал меня за глупые счета! Никогда больше этого не случится. Я больше не показывала ему их; на самом деле я обычно рвала их, когда они приходили, из страха, что я оставлю их валяться, и он их найдет. Если бы я могла, ничто в мире никогда не встало бы между Гербертом и мной.

Я также приняла твердое решение быть более осторожной в своих расходах. И я действительно старалась экономить. Я не знаю, как получилось, что мне, похоже, это не удалось. Но и в Лондоне, и в Париже я, конечно, потратила очень много, я уверена, даже не знаю, сколько. Я делала небольшие запи-

си, и они были настолько запутанными, и мне казалось, что я потратила гораздо больше, чем думала, что у меня есть, и я перестала их делать. После того, как я покрыла оборотную сторону двух или трех листов цифрами, я стала настолько подавленной, что не могла наслаждаться ничем в течение оставшейся части дня. Я не заметила, чтобы это как-то помогло, поэтому перестала вести счета. И какой смысл их хранить? Если у меня не было денег, чтобы заплатить им, почему я должна делать себя несчастной, думая о них? Я думала, что гораздо разумнее попытаться забыть их, и большую часть времени я так и делала!

Так продолжалось два года. Когда я получала счета с надписями внизу красными чернилами, я оплачивала часть из них, никогда не оплачивала все. Раз или два торговцы писали мне письма, говоря, что им нужны их деньги, и тогда я пошла к ним и сказала, как любезно с их стороны доверять мне, и как я скоро заплачу им все, и они казались вполне довольными. Я всегда намеревалась это сделать. Я не знаю, откуда берутся деньги, но никогда нельзя сказать, что может случиться. Несколько друзей Герберта жили неподалеку от шотландской границы и нашли в лесу угольные залежи. У Герберта нет земель вблизи Шотландии, но есть в других местах, и он может найти месторождения угля. Я просто привожу это в качестве примера того, как странно все складывается. Я не совсем ожидала, что Герберт найдет угольную шахту, но я ожидала, что деньги появятся каким-то нежиданным образом.

данным образом и помогут мне выйти из моих трудностей.

Началом серии действительно ужасных событий, о которых я пишу, была покупка русской соболиной куртки у меховщика в Париже по имени Болконский. Это было ранней весной прошлого года. Раньше я не имела никаких дел с Болконским. Друг рассказал мне о куртке и отвел меня туда. Это было настоящее событие. В тот момент, когда я увидела ее, я поняла, что это один из тех шансов, с которыми редко сталкиваешься. Она подошла мне как талисман, и я купила ее за тысячу фунтов. Этот несчастный Болконский сказал мне, что платежи могут быть сделаны любым способом, который мне нравится, и в “свободное время мадам”. Я также купила несколько хороших бирюзовых украшений за даром у ювелира, который жил наверху где-то на улице Де Ла Пэ, и продавал драгоценности актрисы. Именно эти двое погубили меня.

Не то чтобы они были моими единственными должниками. К этому времени я уже знала, что многим обязана. Когда я думала об этом, мне становилось страшно, и поэтому я старалась не думать. Но иногда, когда я не спала по ночам, и все выглядело мрачным и подавленным, я задавалась вопросом, что бы я сделала, если бы что-то не случилось. В эти моменты я думала о том, чтобы рассказать мужу, и я зарывалась головой в подушку и холодела от горя. Что скажет Герберт, когда узнает, что его жена задолжала тысячи фунтов? Маркиз Каслкотт, который никогда не был должен ни пенни

и считал это позором.

Возможно, он придет в такой ужас и отвращение, что отошлет меня от себя обратно в Ирландию или на Континент. И что тогда со мной будет?

Тем летом мы поехали в Каслкорт-Марш-мэнор, и там мои тревоги стали почти невыносимыми. Болконский стал меня жестоко обзывать. Другие кредиторы писали мне письма, требуя выплат. Ювелир, у которого я купила бирюзу, прислал мне письмо, в котором сообщал, что, если я не рассчитаюсь с ним до сентября, он подаст на меня в суд. И, наконец, Болконский прислал ко мне человека, которого я видела в Лондоне, и который сказал мне, что, если соболиная куртка не будет оплачена в течение двух месяцев, он “изложит дело лорду Каслкорту”.

В сентябре мы поехали в Париж, и там я увидела этих ужасных людей. С другими моими французскими и английскими кредиторами я могла справиться, но ничего не могла поделать ни с Болконским, ни с ювелиром. Они говорили со мной резко, так, как никто никогда не говорил со мной раньше; и Болконский сказал мне, что “лорд Каслкорт был честен и платил свои долги, какой бы ни была его жена”. Я молила его о времени и, наконец, заплакала, заплакала перед этим ужасным евреем. В офисе был еще один человек, который тоже видел меня. Но я потеряла всякое чувство гордости или сдержанности. У меня осталось только одно чувство – ужас, агония, что они расскажут моему мужу, и он презрит меня

и бросит.

Мое несчастье, казалось, подействовало на Болконского, и он сказал мне, что даст мне месяц, чтобы расплатиться. Было тогда десятое сентября. Я ждала целую неделю в какой-то безумной надежде, что произойдет чудо, и деньги каким-то неожиданным образом окажутся у меня в руках. Но, конечно, ничего не произошло. К первому октября тысяча фунтов не появилась. Именно тогда мне в голову пришла отчаянная идея, которая чуть не погубила меня и причинила мне такие страдания, что память о ней останется со мной навсегда.

Бриллианты Каслкорта, оправленные в ожерелье и оцененные в девять тысяч фунтов, были в моем распоряжении. Я часто надевала их, и их хранила моя служанка – верное и честное создание по имени Софи Джефферс. Во время одной из моих первых поездок в Париж мой друг привел меня в контору известного торговца драгоценными и искусственными камнями, который, не будучи широко известным, занимался своего рода ломбардным бизнесом среди высших классов. Моя подруга отправилась туда, чтобы заложить жемчужное ожерелье, и рассказала мне все об этом: сколько она получила за ожерелье, и как она надеялась выкупить его в течение года, и как она должна была скопировать его в искусственном жемчуге. Идея, которая пришла мне в голову, состояла в том, чтобы пойти в это место и заложить бриллианты Каслкорта, продублировав их в искусственных камнях.

Я отправилась туда на второй день октября. Как это было ужасно! Я надела тяжелую вуаль и назвала вымышленное имя. Несколько мужчин посмотрели на бриллианты, и я заметила, что они посмотрели на меня и зашептались. В конце концов, они сказали мне, что дадут мне за них четыре тысячи фунтов под некоторый процент, я забыла под какой, и что они заменят их искусственными камнями, так что только эксперт сможет определить разницу. На следующий день я вернулась, и они дали мне деньги. Я не думаю, что они имели какое-либо представление о том, кто я такая. Во всяком случае, хотя газеты были полны предположений об алмазах Каслкорта, они не подавали никаких признаков.

Я погасила все свои долги, как в Париже, так и в Лондоне; я даже заплатила годовой процент за бриллианты. На короткое время я снова задыхалась, и мне стало весело и беззаботно. Мой муж никогда не узнает, что я не оплачивала свои счета в течение пяти лет и мне угрожали судебным иском. Было восхитительно избавиться от этого страха, и я снова стала самой собой. Я полагаю, что должна была бы чувствовать себя более виноватой, но когда человек освобождается от большого груза, его совесть не так чувствительна, как это бывает, когда на самом деле не к чему быть чувствительным.

Только после того, как я привыкла чувствовать себя свободной и спокойной, я начала понимать, что я сделала. Я украли бриллианты. Я была вором! Меня не очень утешала мысль, что никто никогда не узнает об этом; на самом деле,

я не думаю, что это меня утешило, и я знаю, что в начале я ожидала, что это произойдет. То, что я сделала, раздражало меня. Я чувствовала, что никогда больше не буду спокойна, пока они не будут выкуплены. Это было то, о чем я постоянно мечтала. Мне казалось, что если бы я могла увидеть их еще раз в их собственной оправе, я была бы счастлива и беззаботна, как в те первые прекрасные годы моей супружеской жизни.

Страх, который в это время больше всего преследовал меня и был самым страшным, состоял в том, что мой муж может узнать, что я сделала. Его жена, которую он так любил и которой доверял, стала воровкой! Никто из тех, кто не прошел через это, не знает, что я чувствовала. Я не знала, что кто-то может так страдать. Я постоянно выходила, чтобы попытаться забыть. Но у меня не получалось, даже когда все было очень весело и забавно. Я постоянно помнила, что я воровка, я украдала бриллианты своего мужа, и если он когда-нибудь узнает об этом, что со мной будет?

Именно в таком положении я находилась, когда пропали фальшивые бриллианты. Это было последнее, о чем я могла подумать. Когда в тот вечер на обеде у герцога Даксбери я увидела пустой футляр и испуганное лицо Джефферс, мир вокруг меня пошатнулся. Я не могла ни на мгновение осознать это. Только в моем сознании бриллианты стали чем-то вроде кошмара; все, что связано с ними, было угрозой, и я последовала инстинкту, который овладел мной, когда я по-

пыталась спрятать пустой футляр от мужа.

Затем, когда мой разум прояснился и у меня появилось время подумать, я увидела, что если они вернут ожерелье из искусственных камней, они могут обнаружить, что оно не настоящее, и все будет потеряно. Это было ужасное положение. Я действительно не знала, чего хочу. Если бы алмазы были найдены и признаны фальшивыми, все бы выяснилось, и Герберт узнал бы, что я вор. Подумав об этом, я попыталась отвлечь детективов от поисков и сказала этому глупому, застенчивому мистеру Брисону, что не понимаю, как он мог быть так уверен, что они были украдены, что они могли быть потеряны. Брисон казался удивленным, и это разозлило меня, потому что, в конце концов, бриллиантовое ожерелье – это не та вещь, которую можно потерять, и я чувствовала, что выглядела глупо и ничего таким образом не выиграла.

Шли дни, а об ожерелье ничего не было слышно. Теперь я отчаянно желала, чтобы его нашли. Иначе как я могла бы, в конце концов, выкупить настоящие бриллианты и снова почувствовать себя честным и уважаемым человеком? Если я вдруг появлюсь с ними, как я смогу это объяснить? Все бы сказали, что я их украла, если бы я не придумала какую-нибудь историю о том, что они были потеряны, а затем найдены, а я не очень хорошо придумываю истории. Что касается того, где мне взять деньги, чтобы выкупить их, я часто думала об этом, но никогда не могла придумать никакого способа, который казался бы возможным и разумным. Я

всегда ждала, когда “что-нибудь подвернется”, и обычно так оно и было; но в данном случае ничего из того, что я хотела или ожидала, не подвернулось. Кроме того, четыре тысячи фунтов – немалая сумма, чтобы попасть в руки внезапно и неожиданно. Если бы это была меньшая сумма, она могла бы, но четыре тысячи фунтов – это слишком много. Не было никого, кто мог бы умереть и оставить их мне, и я, конечно, не могла их украсть или сделать.

Итак, как можно видеть, меня со всех сторон окружали неприятности. Сезон подходил к концу, и я была рад, что с ним покончено. В первый раз в этом не было никакого удовольствия. Тревоги, о которых никто не догадывался, всегда были со мной, и я всегда ловила себя на том, что исподтишка наблюдаю за мужем, чтобы узнать, не подозревает ли он, не проявляет ли он каких-либо симптомов того, что становится холодным ко мне и безразличным. Когда я ехала в карете по парку, эти мрачные мысли всегда были у меня на сердце, и оно было тяжелым, как свинец. Я забыла о прохожих, которые были так забавны, и, опустив голову, смотрела себе на колени. Предположим, Герберт догадается? Предположим, Герберт узнает? Это были вопросы, которые крутились в моем мозгу и никогда не прекращались. Иногда, когда Герберт был рядом со мной, мне вдруг хотелось закричать:

– Герберт, я забрала бриллианты! Я была вором! Я больше не могу скрывать это или жить в этой неопределенности. Все, что я хочу знать, это то, ненавидишь ли ты меня и со-

бираешься ли бросить?

Но я никогда этого не делала. Я посмотрела на Герберта и испугалась. Что бы я сделала, если бы он бросил меня? Вернулась бы в Ирландию и умерла.

В конце июня мы отправились в поместье Касл-корт-Марш. К этому времени мне стало совсем плохо. Герберт настоял на том, чтобы я проконсультировалась с врачом, прежде чем уеду из города, и доктор сказал, что у меня не в порядке сердце и что-то не в порядке с нервами. Но это было только чувство вины, которое с каждым днем становилось все более гнетущим. Я думала, что в деревне мне будет лучше. Мне она всегда не нравилась, но теперь она казалась мне убежищем, где я могла спокойно побыть со своими детьми. Я возненавидела Лондон. Именно Лондон сыграл на моих слабостях и втянул меня во все мои неприятности. В деревне у меня не было долгов, и, в конце концов, я никогда не была так счастлива, как в те два года после нашей свадьбы, когда мы жили в поместье Касл-корт-Марш. Какими яркими и прекрасными казались мне теперь те дни, когда я оглядывалась на них после этих мрачных дней страха и позора!

В деревне было не намного лучше. Смена обстановки не может иметь значения, когда беда – это темная тайна. И эта темная тайна с каждым днем становилась все темнее. Я боялась говорить об алмазах Герберту, и все же каждое письмо, приходившее к нему, наполняло меня тревогой, что бы оно не означало, что они найдены или что их не нашли. Герберт

время от времени ездил в Лондон и виделся с мистером Гилси, а вечером, когда он возвращался домой, я так дрожала, что мне было трудно стоять, пока он не выкладывал мне все, что сказал мистер Гилси. Однажды, когда он начал говорить мне, что Мистер Гилси сообщил, что они проследили путь бриллиантов до Парижа, я упала в обморок, и прошло некоторое время, прежде чем очнулась.

Июль был очень жарким, и я назвала это причиной моего изменившегося внешнего вида и вялых манер. У меня действительно было плохое здоровье, и Герберт очень беспокоился обо мне. Он предложил, чтобы мы отправились в путешествие на Континент, но я отказалась от этой мысли. Мне казалось, что вид Парижа, где бриллианты ждали выкупа, убьет меня на месте. Мне не хотелось покидать Касл-корт-Марш-мэнор, чтобы куда-то ехать. Я только хотела снова быть счастливой, быть такой, какой была до того, как взяла бриллианты.

И теперь я знала, что этого не может быть, пока я не скажу своему мужу. Я знала, что, чтобы вернуть себе душевное спокойствие, я должна признаться во всем и услышать, как он говорит, что простил меня. Я пыталась несколько раз, но это было невозможно. Когда приближался момент, который я выбирала для исповеди, мое сердце билось так, что я едва могла дышать, и я дрожала, как человек в ознобе. Герберт смотрел на меня так ласково, так нежно, что слова замирали у меня на губах, или я говорила что-то совсем не то, что со-

биралась сказать. Это было бесполезно. Шли дни, и я знала, что никогда не осмелюсь сказать, что всю оставшуюся жизнь буду раздавлена чувством вины, которое казалось слишком тяжелым, чтобы его можно было вынести.

Однажды в середине июля, ближе к вечеру, все свершилось. Никогда, никогда я не забуду тот день! Сначала было так темно и ужасно, а потом ... Но я должна следить за историей так, как она произошла.

Мы с Гербертом пили чай в библиотеке. Стояла теплая погода, и окна, ведущие на террасу, были широко распахнуты. Сквозь них я могла видеть прекрасный пейзаж: холмы с огромными деревьями, разбросанными по ним, все цвета ярче и глубже, чем в полдень, потому что солнце садилось. Я сидела у одного из окон, смотрела на это и думала о том, как изменились мои чувства, когда я приехала сюда невестой и любила все это, и была так полна радости. Мои руки безвольно повисли на подлокотниках кресла. У меня не было желания двигаться или говорить. Это так мучительно, когда ты несчастен и оглядываешься на дни, которые были счастливыми!

Когда я сидела вот так, вошел Томас, один из лакеев, с письмами. Я заметила, что у него была целая пачка. Некоторые из них были моими, и я положила их на стол рядом с собой. Лениво и без интереса я увидела, что в связке Герберта была маленькая шкатулка, в которой рассылаются драгоценности. Томас вышел из комнаты, а я продолжала смотреть в

окно, пока внезапно не услышала, как Герберт подавил восклицание. Я повернулась к нему и увидела, что он держит в руке открытую коробку.

– Что это значит? – Спросил он. – Какая необыкновенная вещь! Посмотри, Глэдис.

И он подошел ко мне, протягивая коробку. Она была набита ватой, и на ней лежало огромное количество не оправленных бриллиантов разных размеров. Мое сердце подпрыгнуло к горлу. Я села, вцепившись в подлокотники кресла.

– Что это такое? – спросила я. Мой голос звучал неожиданно высоко и громко. – Откуда они взялись?

– Я ничего о них не знаю! Это слишком странно! Посмотри, что написано на этом клочке бумаги, который был внутри коробки.

Он протянул маленький листок бумаги, на котором были четко обозначены складки. Поперек них на машинке было напечатано два предложения. Я схватила листок и прочитала слова:

Нам не нужны ваши бриллианты. Вы можете оставить их себе и вместе с ними принять наши наилучшие пожелания.

Бумага полетела к моим ногам. Через мгновение я поняла, что все это значит. Воры обнаружили, что бриллианты были фальшивыми, и вернули их. Я осознала, что испуганное лицо Герберта внезапно наполнилось выражением острой тревоги, когда он закричал:

– Ну, Глэдис, в чем дело? Ты белая, как смерть!

Он подошел ко мне, но я жестом отстранила его и поднялась на ноги. Тогда я поняла, что час настал, и, хотя я подзреваю, что была очень бледна, я не чувствовала такого страха, как раньше.

– Это твои бриллианты, Герберт, – сказала я тихо и отчетливо, – или, возможно, я должна сказать, что это их заменители. Твои бриллианты в Париже, у Барьера, в четырехместном доме, на улице Круа-де-Пети-Шам.

– Глэдис! – Воскликнул он. – Что ты имеешь в виду? О чем ты говоришь? Ты выглядишь такой белой и странной! Сядь, дорогая, и скажи мне, что ты имеешь в виду.

– О, Герберт, – воскликнула я, и в моем голосе внезапно зазвучала боль, – позволь мне сказать тебе! Не останавливай меня. Если ты злишься на меня и ненавидишь, подожди, пока я закончу, прежде чем ты скажешь это. Я должна во всем признаться. Я должна, дорогой. Ты должен выслушать меня и не пугать, пока я не закончу, потому что, если я не скажу тебе сейчас, я непременно умру.

А потом я рассказала ... я рассказала все. Я не упустила ни одной мелочи. Мои первые счета, и Болконский, и ювелир, и ломбард, и все было в нем. Как только я начала, это было не так уж трудно, и я вылила все. Я не пыталась выгородить себя или попросить прощения. Но когда все было закончено, я сказала голосом, который, как я слышала, внезапно стал хриплым и дрожащим:

– А теперь, я полагаю, я тебе больше не понравлюсь. Впол-

не естественно, что ты не должен любить меня после этого. Я прошу только об одном, и я, конечно, знаю, что не имею права просить об этом, а именно, чтобы ты не отсылал меня от себя. Наверное, меня следовало бы посадить в тюрьму. Но, Герберт, кем бы я ни была, я любила тебя! Это уже кое-что.

Я не могла продолжать дальше, да в этом и не было необходимости, потому что мой дорогой муж, казалось, совсем не сердился. Он взял меня, всю плачущую и дрожащую, в свои объятия и сказал мне самые милые вещи, такие вещи, которые никто не записывает пером, только между ним и мной.

А я? Я уткнулась лицом ему в плечо и слабо заплакала. Никто не знает, насколько я была счастлива, кроме человека, который был совершенно несчастен и внезапно обнаружил, что его страдания закончились. Действительно, стоит быть несчастным, чтобы полностью оценить радость снова быть счастливым.

Что ж, на этом все действительно заканчивается. Через несколько дней Герберт поехал в Париж и выкупил бриллианты, и теперь они оправляются в имитацию старых оправ, которые утрачены. Я не поеду с ним в Париж. И я не поеду в Лондон в следующем сезоне. Оба места слишком полны ужасных воспоминаний. Возможно, когда-нибудь я буду относиться к ним так же, как до похищения алмазов, но сейчас я вообще не хочу покидать деревню. Кроме того, здесь мы можем сэкономить, и четыре тысячи фунтов, необходимые

для возвращения камней, были для Герберта хорошей суммой, которую он должен был заплатить сразу. И потом, в деревне так сладко и спокойно. Ничто не беспокоит человека. О, как приятно иметь спокойную совесть! Человек не знает, насколько ему хорошо, пока не потеряет покой.

На этом мой рассказ заканчивается. Я осмелюсь сказать, что очень плохо, что я совсем не умна. Но у этого есть одно достоинство – быть полностью правдивым, и я рассказала все. Ничто не было утаено, и ничто не было искажено. Это беспристрастный и точный отчет о моей роли в деле об алмазах Каслкорта.